

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ

академик РАН

ЛОГИКА ИСТОРИИ

*Долгосрочные закономерности развития человечества
как основа понимания и логической реконструкции истории*

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. Кризис обществознания

Современные общественные науки сталкиваются с огромным количеством аномальных фактов, не объяснимых господствующими в них парадигмами. В отличие от естественных наук, они не используют методы экспериментальной проверки гипотез, а также чрезмерно подвержены политическому давлению, так как используются властвующей элитой для оправдания своего господствующего положения в обществе. Наиболее ярко это проявляется в мейнстриме экономической мысли, который, по сути, представляет собой наукообразную квазирелигию — её догматика призвана доказывать общественному сознанию правильность проводимой социально-экономической политики. Так, за современными математическими моделями рыночного равновесия скрывается архаичная мифология поклонения золотому тельцу, поскольку закладываемая в них аксиоматика отражает догматику жрецов свободного рынка, которая отражает интересы частного капитала. Под эту же догматику выхолащивается история человечества, которая интерпретируется как линейный процесс либерализации социально-экономических отношений.

Для перевода общественных наук на общенаучные методы познания крайне важна демифологизация истории, раскрытие в ней реально действующих закономерностей развития человечества. Без этого невозможно ни научное прогнозирование социально-экономических процессов, ни разумное управление ими в интересах всего общества. Невозможно также предотвращение кризисных процессов и катастроф, в которые периодически попадает человечество вследствие непознанных закономерностей социально-экономического развития.

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич — выдающийся экономист и политик. Родился в 1961 году в Запорожье. Окончил экономический факультет МГУ. Доктор экономических наук, академик РАН. Автор более двух десятков книг. В 2012–2019 годах — советник Президента РФ. С 1 октября 2019 года — министр Евразийской экономической комиссии. Живёт в Москве.

1.1 Логика исторической фальсификации

О масштабности мифотворчества в общественных науках убедительно свидетельствует нынешнее состояние общественного сознания на постсоветском пространстве. Оно представляет собой причудливое нагромождение старых и новых мифов, в которых люди окончательно теряют систему координат для оценки происходящих событий и правильного понимания своих интересов. Это крайне негативно сказывается на состоянии интеллектуального потенциала нации, теряющей историческую почву под ногами. Общество, состоящее из «иванов, не помнящих родства», не способно к созидательному массовому творчеству, лежащему в основе современного развития экономики, становится жертвой хищнической олигархии и отражающих её интересы социал-дарвинистов.

Первый слой представлений о нашей истории был сформирован в Российской империи на основе варяжской мифологии, сочинённой специально приглашёнными немецкими историками, не знавшими даже русского языка и не знакомыми с историческими памятниками доромановской Руси. Последнее, включая летописи и прочие письменные свидетельства современников, после Великой смуты систематически уничтожались, так что до нас практически не дошли оригиналы. Место первоисточников заняли разнообразнейшие списки, в том числе намеренно фальсифицированные в угоду официальной трактовке истории властвующей элитой соответствующего времени.

Второй исторический слой в нашем общественном сознании формировался советскими историками после свержения монархии Романовых. Российская империя представлялась как «тюрьма народов», которые советская власть освободила от эксплуатации классовых врагов. Декретами советской власти были созданы национальные республики с номинированными ею же титульными национальностями. Большинство из них обрело национальную государственность исключительно благодаря политическим решениям Ленина и Сталина, которые, с одной стороны, боялись возникновения «великорусского шовинизма» в ответ на геноцид духовной элиты русского народа, а с другой стороны, формировали репрессивный аппарат из национальных меньшинств. Так что, вместо того чтобы проводить кампании по декоммунизации и обвинять Москву во всех своих проблемах, национальным властям бывших союзных республик следовало бы прославлять вождей коммунистической России как основателей их государственности. Этого, однако, не происходит.

Новый исторический слой в общественном сознании формируется искусственным образом профессиональными фальсификаторами и пропагандистами, обслуживающими интересы мировой капиталистической олигархии в эксплуатации постсоветского пространства. Делается это в полном соответствии с известным геополитическим принципом «разделяй и властвуй», который всегда применялся международным капиталом для подрыва великих империй с целью присвоения накопленного ими богатства. Формируя и стравливая между собой крупные социальные группы имперского социума, агенты международного капитала подрывают имперские институты государственной власти, заменяя их подконтрольными колониальными администрациями. Посредством радикализации религиозных, этнических, имущественных и прочих социальных противоречий возбуждается взаимная неприязнь различных социальных групп, которые в борьбе друг с другом разрушают имперскую целостность и формируют свою квазигосударственность под контролем внешних спонсоров. Так действовали английские колонизаторы в Азии, разоряя Индию и Китай, то же самое американские агенты влияния делают в постсоветских республиках, выкачав из них уже более двух триллионов долларов накопленного за советский период капитала.

Ярким примером современного манипулирования общественным сознанием на основе фабрикация исторических мифов с целью раскола общества на национальной почве является ситуация на Украине. Созданная на основе искусственного объединения Малороссии, Новороссии, части земель Войска Донского и Галичины, УССР обрела свой квазигосударственный статус исключительно благодаря большевикам. После распада СССР, в рамках которого Украина стала самой развитой частью Союза, за четверть века работы по «нациостроительству» американским агентам влияния удалось на исторических мифах вырастить поколение украинских нацистов. Воспитанные на ненависти

ко всему русскому, уже упомянутые в настоящем материале “иваны, не помнящие родства” стали орудием оккупации украинской территории американскими спецслужбами и её расчистки от местного населения для внешних нужд. По образцу стран Восточной Европы, на Украине была проведена кампания по декоммунизации, сопровождавшаяся уничтожением памятников советской эпохи, в том числе отцу-основателю украинской государственности В. И. Ленину. На щит были подняты гитлеровские коллаборационисты, прислуживавшие фашистским оккупантам в 1941–1944 годах. Преступники против человечества, в том числе населявшего тогда территорию Украины, объявлены героями и мифологическими основателями украинской государственности.

Происходящее на сегодняшней Украине историческое мифотворчество ещё пару десятилетий назад казалось галлюцинациями свихнувшихся от ненависти к России недоучек. Но внедрение нелепых мифов о мнимой истории украинского государства в массовое образование дало свои плоды. Появилось выросшее на этих сказках поколение профессиональных псевдоисториков, а многие настоящие историки под страхом репрессий вынуждены подпевать этому историческому бреду под угрозой административного давления, шантажа неонацистов и политических репрессий.

Если на Украине фальсификация истории в системе массового образования приняла гротескные формы и вызывает возмущение в России героизацией нацистских преступников, то в других бывших союзных республиках историческое мифотворчество в силу языкового барьера мало известно русскому читателю. Оно также поражает буйной фантазией авторов, изобретающих древние корни государств, появившихся четверть века назад. Устами националистически настроенных политиков штампуются исторические мифы, отодвигающие образование новых независимых государств, названия которых впервые появились на карте СССР в 30-е годы прошлого века, на многие столетия в доисторическую эпоху. Фабрикуются артефакты, задним числом подтасовываются исторические документы, в систему образования принудительно внедряются сказочные истории о мнимых героях-основателях никогда не существовавших государств. Обратной стороной этого мифотворчества является отрицание цивилизационной роли России и СССР, которые создали необходимые условия для этногенеза современных наций и обеспечили им возможность создания собственной государственности.

Логика исторического мифотворчества в новых независимых государствах хорошо понятна. Только появившаяся правящая элита нуждается в легитимации своих претензий на власть. Если исходить из очевидного исторического факта её рождения из бывшей советской номенклатуры, то трудно обосновать претензии на власть в условиях повсеместно произошедшего на постсоветской территории резкого падения уровня жизни населения и многократно возросшего социального неравенства. Сказочное обогащение правящей прослойки происходило на основе приватизации совсем недавно ещё бывшей общенародной собственности с погружением подавляющего большинства населения в нищету.

Превращение изрядно криминализованной разграблением советского наследства правящей постсоветской прослойки в национальную элиту новых государств требовало убедительной для народных масс легитимации. Самым легким её способом стала реинкарнация архаичных форм социально-политической структуры самодержавно-вождистского типа с присвоением главой государства квазисакрального образа вождя нации с неограниченными полномочиями. Чтобы уйти от ответственности за резкое падение уровня жизни населения и сбить народное недовольство за пределами социальным неравенством, новоиспечённые “отцы нации” взяли на себя миссию нациостроительства, взывая к патриотическим чувствам граждан и запугивая оппозицию обвинениями в национальной измене.

По законам социальной психологии, необходимым условием консолидации национальной общности является формирование образа врага. Вопреки фактической исторической миссии России и СССР, обеспечивших формирование современных государствообразующих наций на постсоветском пространстве, именно они были назначены врагами за отсутствием других подходящих образов. Националисты новых независимых государств систематически чернят защитившую их от уничтожения Российскую империю, обвиняя её в колониализме,

а также шельмуют выросший и образовавший их СССР как тоталитарную бесчеловечную машину перемалывания народов.

Чем хуже обстоят дела в социально-экономической сфере, тем более агрессивной и лживой является русофобская пропаганда, обосновывающая претензии политической элиты новоиспечённых государств на власть. Ярким примером является Украина, которая сегодня производит вдвое меньше продукции, чем в СССР, и опустилась после его распада с первой десятки европейских государств по уровню жизни населения на последнее место. Вопреки очевидным фактам, Москве предъявляются обвинения как в нынешнем бедственном положении народа Украины, так и во всех обрушившихся на население этой территории бедах в прошлом веке. Объективные данные о колоссальных инвестициях, сделанных в экономику УССР, Новороссии и Малороссии, свидетельствующие том, что в одном государстве с Россией Украина процветала, а в отрыве от неё – бедствовала, неонацистской пропагандой игнорируются.

История, которая сочиняется на наших глазах в новых независимых государствах, имеет чёткую логику. Сочинители призваны легитимировать претензии вновь возникшей правящей верхушки на власть, а также оправдать совершаемые ею преступления против своего народа, включая приватизацию принадлежавшей ему собственности, борьбой за независимость с внешним врагом. В качестве такового назначается нынешняя Российская Федерация, а бывшая единым государством Российская империя объявляется угнетателем, который в доисторические времена силой и коварством поработил уже тогда существовавшую на протосоветском пространстве древнюю нацию, лишив её суверенитета. При всей нелепости этого мифотворчества, не имеющего не только никакого отношения к реальной истории, но и интерпретирующего её с точностью до наоборот, оно закладывается в основу массового образования. Несогласные лишаются работы и подвергаются репрессиям. Через поколение мы повсеместно получаем людей, слепо верящих в эти сказки, включая профессиональных историков и пропагандистов, навязывающих их всему обществу. А через три поколения, когда уйдут в мир иной свидетели советской реальности, эти сказки будут восприниматься как истина в последней инстанции, спор с которой будет заканчиваться изоляцией от общества с получением психиатрического диагноза.

Эта логика исторического мифотворчества носит универсальный характер для всех новых независимых государств, поскольку вытекает из объективной потребности властвующей прослойки, вышедшей из предшествующей государственности, в конституировании своих претензий на власть и оправдании совершенных преступлений в ходе борьбы за неё. Она ярко проявляется не только на постсоветском пространстве, но и в странах, входивших ранее в мировую социалистическую систему, называвшуюся западными геополитиками “восточным блоком”. После распада СССР к власти в них пришли, как правило, бывшие комсомольские функционеры и члены партии, которым для придания законности и благопристойности своих претензий на власть нужно было максимально откеститься от коммунистического прошлого. Самыми яркими антикоммунистами стали возглавлявшие СССР, РСФСР и УССР Горбачёв, Ельцин и Кравчук, подав остальным пример. С такой мотивацией новые руководители быстро встали на путь национализма, разжигая в общественном сознании образ врага в лице правопреемника страны, от которой они откололись. Во всех восточноевропейских странах прошли кампании по деконмунизации, сопровождавшиеся нагнетанием русофобии.

Совершившийся на наших глазах распад Советской империи явно демонстрирует логику фальсификации истории. Произошедшее после этого частичное восстановление исторической правды о Российской империи свидетельствует о масштабах фальсификации её достижений и объективного положения дел советскими историками-пропагандистами, создавшими из неё образ отсталой страны с репрессивным антинародным режимом. Каждый раз после краха имперской государственности история переписывается новой властью с целью очернения предыдущей вплоть до полного уничтожения сведений о её достижениях и фабрикации нереальных отталкивающих образов. Так создаётся миф, легитимизирующий власть новой политической элиты и оправдывающий все совершённые ею преступления в борьбе с прошлой государственно-стью и поддерживавшей её частью общества.

Крах российской и советской империй произошёл относительно недавно, а их достижения и состояние дел зарегистрированы в огромном количестве источников. Множество фактов, отражённых в разных первоисточниках, стереть из исторической памяти невозможно. Поэтому в отношении этих двух последних империй фальсификация ведётся, главным образом, через ложные интерпретации. А в отношении их предшественниц – Ордынской и Византийской империй – первоисточников практически не осталось и фальсифицироваться могут не только оценки тех или иных событий, но и сами факты и даты, к ним относящиеся.

Наряду с Российской империей в результате Первой мировой войны в Европе рухнули ещё Австро-Венгерская и Османская империи. Не вызывает сомнений, что образовавшиеся на их обломках национальные государства придумали собственные древние истории, интерпретирующие их пребывание в составе упомянутых империй как насильственное закабаление и лишение обрётённого до царя Гороха национального суверенитета. Западноевропейские государства обрели его, как известно, в 1648 году в результате Вестфальского мира после Тридцатилетней войны в Европе, завершившей распад Священной Римской империи. Как констатируется в Википедии, “в относительном выражении людские потери Европы в Тридцатилетней войне превосходили все войны прошлого. Основные потери пришлось на мирное население. Экономике региона также был нанесён колоссальный ущерб. Тридцатилетняя война наглядно продемонстрировала цену, которую приходится платить за утверждение монопольного права на историческую истину. Чтобы не допустить подобной катастрофы, участники конгресса согласились отказаться от принципа исторического обоснования права. Стороны отказались от утверждения своей правоты в прошлом как неопровержимого доказательства своей правоты в настоящем, а также от своего исключительного права на знание верного пути в будущее”.

Однако вскоре после этой декларации каждое из вновь образованных государств занялось сочинением собственной истории на расчищенном после краха Священной Римской империи фундаменте. Сам фундамент они укрепили общей древней хронологией, обосновывающей первородство западноевропейской цивилизации, породившей ещё в античное время гражданское право.

Эта история утверждения национального суверенитета западноевропейских государств на обломках Священной Римской империи удивительно схожа с происходящими на наших глазах процессами структурирования постсоветского пространства. На этих же принципах отрицания исторического правопреемства основывался Договор о создании Союза независимых государств, легитимизировавший распад СССР на никогда ранее не существовавшие государства (за исключением России, взявшей на себя правопреемство СССР). Его часто называют бракоразводным процессом, позволившим руководителям союзных республик быстро и без большой крови расчленив бывшую мировую империю на множество новых независимых государств, взаимно признавших суверенитеты и границы. Некоторые из них, правда, до сих пор ведут территориальные споры и даже локальные войны. Но они несравнимы по числу жертв с упомянутой Тридцатилетней войной XVII века в Европе, когда не было международного права и все вопросы претендентам на захват бывшей имперской территории приходилось решать силой. Но что это была за империя, и почему она развалилась?

Прежде чем ответить на этот вопрос и попытаться реконструировать историю до Вестфальского мира, обратимся к вопросам методологии общественных наук. В секуляризованном обществе на них опирается господствующая идеология, претендующая на научно установленную истину. Однако, отражая интересы властвующей элиты, эта идеология не может быть вполне объективной, а роль формирующих её учёных часто сводится к наукообразной интерпретации нужных политическому заказчику догм, которые выдаются за истинное знание.

1.2 Ненаучные парадигмы в общественных науках

Профессиональные учёные-историки не ищут логики в истории, они занимаются систематизацией исторических данных. Однако эта систематизация происходит в рамках определённой парадигмы. В наше время мы видим

принципы фабрикации парадигм в исторической науке по политическому заказу правящей прослойки недавно получивших независимость государств. Получив от идеологов этих государств политическую установку на обоснование древности титульной нации, профессиональные историки разрабатывают эту парадигму, наполняя её соответствующим образом систематизированными фактами и мифами, отбрасывая всё, что ей противоречит.

Существует множество примеров игнорирования исторической наукой фактов, не вписывающихся в устоявшуюся парадигму. Есть немало примеров и сознательного уничтожения артефактов, противоречащих официальной исторической доктрине. Нет оснований полагать, что господствующая в европейской исторической науке парадигма была сфабрикована иначе. Характерная для неё русофобия порождает параллели с нынешним историческим мифотворчеством в новых независимых государствах. Если для обоснования претензий на независимость идеологам украинского государства потребовалось вылепить из России образ врага, поработившего “древних укров”, то логично предположить, что причиной хронической русофобии западноевропейских идеологов является борьба эрбинских племён¹ за национальную независимость от сокрытого историками имперского образования, некогда контролирувавшего территорию их проживания.

В отличие от естественных наук, историческая, экономическая, юридическая и другие общественные науки не пользуются экспериментальными методами проверки гипотез, и практика для них не является критерием истины. В секуляризованном обществе они выполняют роль наукообразной религии, оправдывающей существующий порядок вещей в интересах властвующей элиты. Так, вращающаяся вокруг доктрины рыночного равновесия неоклассическая парадигма в экономической науке является, по сути, наукообразной религией, обосновывающей священное право частной собственности. Отвергая вмешательство государства в экономику как заведомо деструктивное и мешающее “невидимой руке рынка” оптимизировать использование имеющихся ресурсов, эта теория защищает права собственников средств производства произвольно распоряжаться своим капиталом и предписывает государству гарантировать их соблюдение. В своей вульгарной версии монетаризма эта теория выражает интересы собственников денег, по сути, являясь современным наукообразным выражением ветхозаветной веры в золотого тельца. Импортированный из классической механики математический аппарат призван убедить общественное сознание в фундаментальном значении интерпретации распределения общественного продукта в соответствии с предельной производительностью труда и капитала, которая выдается за научное доказательство справедливости и совершенства экономики свободного рынка².

Любая экономическая политика является равнодействующей материальных интересов социальных групп с доминирующим властно-хозяйственным положением. Соответственно, теория, оправдывающая и обосновывающая эту политику, есть не более чем наукообразное отражение этих интересов. Сами учёные, упражняющиеся в комбинировании абстрактных догм, могут даже не осознавать свою роль проводников чьих-то интересов. Но их популярность и признание определяются средствами массовой информации, придворными званиями, наградами, участием в престижных форумах, востребованностью органами власти, назначениями на руководящие посты в правительстве и высшей школе и другими факторами, которыми управляет властвующая элита. Именно соответствие её интересам является критерием продвижения авторов тех или иных “научных” рекомендаций и обосновывающих их теорий. Теории, ставящие под сомнение претензии властвующей элиты на господствующее положение в обществе, как и её право на истину в последней инстанции, не получают пропуска ни в органы власти, ни в общественное сознание, ни в систему массового образования. Они занимают маргинальное положение на обочине мейнстрима экономической мысли, пока не окажутся востребованными контрэлитой, использующей альтернативные прежней догматике научные знания. Совершив, опираясь на эти знания, идейно-властную трансформацию общества³, новая властвующая элита определяет на этой основе соответствующую её интересам идеологию, обоснованием которой занимаются общественные науки.

Так было с торжеством марксизма после победы социалистической революции, который определил господствовавшую до него экономическую теорию

как буржуазную и необъективную, отражающую интересы капиталистов. Однако и сам марксизм быстро выродился в набор догм, оправдывавших реальную практику социалистического строительства в СССР, и моментально выветрился из коридоров власти и престижных залов с крахом последнего. Идеи противники тут же объявили о своей окончательной победе, поторопившись заявить о “конце истории”⁴.

В действительности не произошло не только конца истории, но и прояснения в экономической теории. Сегодня она представляет собой набор формализованных представлений, сведённых в “экономикс”⁵ на основе нереалистичной аксиоматики⁶. И, хотя последняя уже полстолетия подвергается обоснованной критике, фундамент “мейнстрима” западной экономической мысли не меняется уже добрую сотню лет с момента возникновения маржиналистской концепции рыночного равновесия. Над ним надстраиваются всё более изощрённые виртуальные конструкции, оправдывающие претензии крупного капитала на управление мировой экономикой вне зависимости от реальных последствий проводимой в его интересах либеральной глобализации.

От “мейнстрима” экономической науки уже давно не приходится ожидать ни достоверных оценок, ни полезных рекомендаций. Все уже привыкли к тому, что экономические прогнозы по качеству предсказания уступают прогнозам погоды. Успешно практикующие чиновники и бизнесмены руководствуются скорее здравым смыслом, чем “научными рекомендациями”. А те наивные политики в странах с малообразованной властвующей элитой, которые полагаются на наукообразные рекомендации МВФ, ввергают свои страны в социально-экономические катастрофы.

Сказанное выше относится ко всем общественным наукам. В советское время из них сделали синтетическое учение – научный коммунизм, который обязаны были вызубрить все желающие получить диплом о высшем образовании. Смысл этого учения заключался в теоретическом обосновании превосходства построенного в СССР социализма и его исторической необходимости как первой фазы коммунистического общества. Хотя с тех пор новых столь же систематизированных догматических учений в общественном знании не появилось, сегодняшнее состояние общественных наук не слишком приблизилось к объективной реальности. “Мейнстрим” экономической науки заиклен на теории рыночного равновесия, доказывающей правильность сложившейся системы распределения материальных благ. Юридические науки исходят из незыблемости нынешнего государственного устройства. Политические науки импортируют сложившиеся в западной политологии доктрины. Исторические науки продолжают констатировать факты в привычной хронологической шкале. В целом, общественное знание топчется на месте, представляя собой набор мало связанных друг с другом научных дисциплин, занимающихся оправданием существующего порядка вещей. Нас же интересуют закономерности развития общества – не распределение власти и богатства здесь и сейчас, а долгосрочные тенденции воспроизводства и смены исторически существовавших социально-экономических систем.

1.3. Подходы к созданию научной парадигмы в общественном знании

В общественных науках давно назрела революция, которая по своему масштабу будет сопоставимой с революцией в медицинской науке, произошедшей столетие назад. Сегодняшний “мейнстрим” экономической мысли можно сравнить со средневековой медициной, которая лечила все болезни кровопусканием и обосновывала латинской терминологией претензии врачей на тайное знание и высокое вознаграждение вне зависимости от результатов лечения. Нужен переход от патологоанатомических изысканий и наукообразной схоластики к разработке теории развития общества как целостного и постоянно меняющегося организма. В экономических науках сделаны определённые шаги в этом направлении⁷.

Именно процесс развития хозяйственной деятельности, а не обмена её результатами должен стать главным предметом экономической науки. Соответственно должна поменяться и методология. Процесс развития характеризуется усложнением и повышением разнообразия системы. Поэтому, в отличие от теории обмена, которая ориентировалась на поиск состояния равновесия и редукцию от сложного к простому в целях выявления всеобщего эквивалента,

теория развития ориентируется на поиск механизмов поддержания нарастающей сложности в рамках воспроизводящейся целостности. Эволюция живых (в отличие от неорганических) систем имеет неэнтропийный характер, развиваясь по пути усложнения. Поскольку общество является живой системой, главным предметом общественнознания должно стать изучение закономерностей его развития и, соответственно, механизмов его усложнения и удержания целостности и устойчивости в процессе повышения разнообразия хозяйственной деятельности и её результатов.

Определённые шаги в этом направлении были сделаны в рамках *эволюционной экономики*, которая в качестве предмета исследования выбрала изучение механизмов воспроизводства рутинных процессов хозяйственной деятельности⁸. В рамках этой теории были получены нетривиальные результаты, объясняющие некоторые закономерности эволюции экономических систем, включая механизмы генерирования и распространения инноваций. В экономическую науку были привнесены математические методы анализа распространения и конкуренции видов, разработанные в экологии. Получены универсальные математические модели технологических траекторий и научно-производственных циклов⁹.

На этой основе была разработана *теория долгосрочного технико-экономического развития* как процесса последовательной смены жизненных циклов технологических укладов. Были разработаны *модели расширенного воспроизводства экономических систем*, адекватно отражающие процесс их развития¹⁰.

Любая конструкция состоит из элементов, которые, в свою очередь, тоже состоят из элементов и так – вплоть до первоэлемента, поиск которого занимает любую науку. Возможно, эта заикленность на поисках базового элемента является свойством монотеистического религиозного мышления, которое пытается все наблюдаемые явления свести к первопричине – к Богу у священников, к элементарной частице – у физиков, к клетке – у биологов, к товару – у экономистов. Однако в живых системах важны не только и даже не столько элементы, сколько связи между ними. Именно связи содержат информацию, определяющую свойства системы. Когда связи обрываются, система гибнет и начинает разлагаться, в то время как один разрушенный элемент можно заменить другим.

То же самое относится к хозяйственной деятельности. Её орудия и предметы постоянно меняются в процессе производства, которое задаётся соответствующей технологией, определяющей связи между ними и человеком. В организации производства могут присутствовать (увольняться и наниматься) разные люди, входя между собой в отношения, заданные технологией. Поэтому, чтобы разобраться в закономерностях развития общества, необходимо понять процессы изменения и смены технологий.

Хозяйственная деятельность не сводится к производству, она погружена в социальную среду, обитатели которой ведут, организуют, обеспечивают хозяйственную деятельность и используют её результаты в своих интересах. Эта среда состоит из людей, которые вступают во взаимоотношения между собой по поводу хозяйственной деятельности и её результатов. Эти отношения обеспечивают воспроизводство хозяйственной деятельности при постоянных изменениях в составе популяции участвующих в них людей. Сами производственные отношения определяются институтами, удерживаемыми в них людей и задающими формы реализации мотивов их поведения. Поэтому, чтобы разобраться в закономерностях развития экономики, необходимо понять процессы изменения социальных институтов.

Социальные институты регулируют поведение людей в той мере, в какой последние склонны соблюдать задаваемые ими нормы. Эта склонность поддерживается положительными и отрицательными связями между человеком и обществом, причём их действенность определяется соответствием моральных ценностей индивида и господствующей идеологией. Чем выше это соответствие, тем эффективнее работают институты, определяющие производственные отношения. И, наоборот, с ростом доли людей, отвергающих господствующую идеологию, сужается способность институтов поддерживать соответствующие производственные отношения. Поэтому для понимания закономерностей развития экономики необходимо принимать во внимание эволюцию систем ценностей людей во взаимодействии с господствующей в общественном сознании идеологией.

Таким образом, экономическая наука не может игнорировать знания о человеке, общественном сознании и социальных отношениях, накопленные в

смежных гуманитарных дисциплинах. В противном случае она вырождается в нынешний “экономикс” с его убогой интерпретацией главного героя экономического исследования как бездушного экономического агента или homo economicus. Эта интерпретация может иметь смысл для изучения гипотетического частного случая экономической системы, состоящей из индивидуальных сверхрациональных предпринимателей, работающих в условиях свободной конкуренции на хорошо известном рынке с неменяющимся множеством технологий. Как только мы отходим от этого умозрительного случая по любому из перечисленных признаков, все ранее полученные результаты моделирования перестают выполняться, а построенная на них теория перестаёт объяснять поведение экономики и оказывается совершенно непригодной для практических рекомендаций.

То же касается других общественных наук: право не должно игнорировать изменения в экономических интересах, а история – закономерности эволюции форм и способов хозяйственной деятельности. Чтобы понять закономерности развития общества, необходимо рассматривать социальную систему как сложное множество людей с их идеологией, интересами и мотивами поведения, связывающими их производственными отношениями и регулирующими эти отношения институтами, а также средствами и предметами производства, связанными с определёнными технологиями. Эта сложная система состоит из бесчисленного числа элементов и связей между ними, которые постоянно меняются. Её характеризуют принципиальная сложность, которая не позволяет редуцировать все её составляющие к некоторому базовому элементу; нелинейность взаимозависимостей, которые не отражаются линейными функциями; неопределённость состояний, которая затрудняет построение прогнозов и разработку практических рекомендаций.

Исходя из изложенного, центральным вопросом общественных наук должно стать изучение взаимосвязи технологических, институциональных и идеологических изменений. Эти изменения могут не подчиняться универсальным законам, а способы организации и использования результатов хозяйственной деятельности могут сильно отличаться в зависимости от технологического, институционального и идеологического состояния социально-экономической системы. Поэтому пути апологетов вывести какие-либо универсальные экономические законы, инвариантные технологическим, институциональным и идеологическим характеристикам социально-экономической системы, выглядят крайне наивными.

В отличие от биологических систем, эволюционирующих в течение миллионов лет, и экологических систем, стремящихся к гомеостазу, современные социальные системы пребывают в состоянии постоянной изменчивости. В течение короткого времени они могут стремиться к некоторой гипотетической точке равновесия, однако постоянно возникающие нововведения порождают точки бифуркации, меняющие траекторию движения в направлении одного или нескольких аттракторов, которые тоже не достигаются вследствие появления следующих нововведений. Теория синергетики обладает формальным аппаратом для моделирования эволюции сложных систем, но на абстрактном уровне, который позволяет получить качественные знания о свойствах социально-экономического развития¹¹.

Для реалистичных моделей и прогнозов математического инструментария недостаточно – требуются человеко-компьютерные методы разработки различных сценариев поведения экономической системы в зависимости от управляющих воздействий.

1.4. Конфликт математики с историографией

Научная революция в общественных науках будет долгой и “кровавопрлитной”. На интеллектуальных полях боя сталкиваются не только разные методологии, но и политические, экономические, национальные, социальные интересы. Подчас эти столкновения напоминают преследования учёных папской инквизицией с уничтожением несогласных с господствующей идеологией. Хотя адепты господствующей идеологии уже не сжигают учёных-диссидентов на кострах, последних изгоняют из академических институтов, предадут анафеме, отказываются публиковать и даже объявляют сумасшедшими.

Характерным примером является попытка общепризнанного в математической науке выдающегося учёного А. Т. Фоменко подвергнуть критике хронологические основы исторической науки. Используя методы математического анализа данных, он вскрыл множество нестыковок и противоречий в общепринятой хронологии, созданной в XVI–XVII веках*. Именно в тот период была заложена господствующая до сих пор в исторической науке парадигма. В его совместной книге с Г. В. Носовским констатируется, что “традиционная хронология в том виде, в каком мы её имеем сейчас, создана и в значительной мере завершена в фундаментальных трудах XIV–XVII веков. Принятая сегодня версия хронологии древности восходит к трудам Иосифа Скалигера (1540–1609), “основоположника современной хронологии как науки”¹², и Дионисия Петавиуса (Петавий) (1583–1652)¹³. Однако, как отмечает Э. Бикерман, “достаточно полного, отвечающего современным требованиям, исследования по древней хронологии не существует”. Он говорит с прискорбием о “хаосе средневековых датировок”. Отсутствие исследований как средневековых, так и современных, где было бы последовательно изложено строгое научное обоснование глобальной хронологии, объясняется не только огромным объёмом материала, нуждающегося в обработке и ревизии, но и объективными трудностями, многократно отмечавшимися разными учёными”¹⁴.

Как отмечается в труде Г. Носовского и А. Фоменко, “к XIX веку суммарный объём хронологического материала разросся... настолько, что вызывал к себе уважение уже хотя бы самим своим существованием, так как хронологи XIX века видели свою задачу только в мелких уточнениях дат”. В XX веке, как отмечается в том же исследовании авторов “Империи...”, вопрос считается в основном уже решённым, и хронология окончательно застыла в той форме, в какой она вышла из писаний Евсевия, Феофила, Августина, Ипполита, Клементя Александрийского, Ашера, Скалигера, Петавиуса... Тем не менее, по мере развития хронологии и освобождения её от давления авторитетов, новые поколения учёных стали обнаруживать серьёзные трудности при согласовании многих летописных данных с версией Скалигера¹⁵.

Далее в книге убедительно показаны поражающее воображение нестыковки и неточности в общепринятой хронологии Древнего мира. Авторы отмечают, что, исходя из разных общепризнанных источников, можно по-разному локализовать события не только во времени, но и географически. В качестве иллюстрации этого типичного для исторических текстов явления они приводят следующий пример. “Сегодня считается, что знаменитый “древний Вавилон” был расположен в современной Месопотамии. Однако некоторые средневековые тексты придерживаются другого мнения. Например, известная “сербская Александрия” помещает Вавилон в Египет; более того, локализует в Египте и смерть Александра Македонского... Датировка на основании письменных источников часто затрудняется так называемыми “средневековыми анахронизмами... Постоянно сталкиваясь с такими средневековыми высказываниями и находясь под давлением скалигеровской хронологии, современные историки абсолютно искренне вынуждены считать, будто в средние века “почти утерялось представление о хронологической последовательности: при похоронах Александра Македонского присутствуют монахи с крестами и кадильницами... Катилина слушает обедню... Орфей является современником Энея, Сарданапал – царём Греции, Юлиан Отступник – папским капелланом. Всё в этом мире приобретает фантастическую (с точки зрения скалигеровской хронологии. – **Ред.**) окраску... Мирно уживаются самые грубые анахронизмы и самые странные вымыслы”¹⁶.

А. Т. Фоменко убедительно вскрывает недостатки принятых в исторической науке археологического, астрономического, дендрохронологического и радиоуглеродного методов датировки¹⁷. Общий вывод из проведённых исследований А. Фоменко и Г. Носовский формулируют следующим образом: “В результате обширного эксперимента, в ходе которого были обработаны сотни текстов с десятками тысяч имён и сотнями тысяч строк, неожиданно были обнаружены пары эпох, которые в скалигеровской истории считаются независимыми, разными (во всех смыслах), однако, как показали математико-статистические методики, являются сильно зависимыми друг от друга.

* Редакция придерживается иной точки зрения на работы А. Фоменко и Г. Носовского, основывающейся на позиции академической науки.

При этом они имеют чрезвычайно близкие, а иногда практически неотличимые графики своих количественных характеристик. Таким образом, в “учебнике истории” было обнаружено довольно много статистических дубликатов, т.е. пар эпох, близких в такой же мере, в какой близки заведомо зависимые тексты, описывающие один и тот же исторический период¹⁸. . . Итак, “современный учебник” древней и средневековой истории Европы, Средиземноморья, Египта и Ближнего Востока в версии Скалигера–Петавиуса есть слоистая хроника, получившаяся в результате склейки четырёх практически одинаковых более коротких хроник. Три другие хроники получаются из неё передатировкой и переименованием описанных в ней событий. Хроника как жёсткое целое опускается вниз (во времени) примерно на 330, 1050 и 1800 лет. . . Обнаруженные математическими методами дубликаты в истории означают следующее. Известная нам сегодня версия глобальной хронологии неверна ранее XIII века н. э., причём ошибки, содержащиеся в ней, весьма существенны. Для её исправления необходима передатировка некоторых крупных блоков событий, относимых ныне к глубокой древности. Нужно вычленив из современного “учебника истории” строки-хроники и поднять их вверх в соответствии с упоминавшимися сдвигами на 330, 1050 и 1800 лет. При этом содержащаяся в них историческая информация вернётся на своё подлинное место во времени. После такой процедуры укорачивания хронологии известная нам письменная история Европы, Средиземноморья и т. д. сократится. Большинство событий, датируемых сегодня ранее X века н. э., расположится на интервале от X века н. э. до XVII века н. э.”.

К сожалению, профессиональные историки ответили на изыскания А. Т. Фоменко не научным дискурсом, а эмоциональными нападками и даже доносами, обращениями к властям с требованиями запрета публикаций учёного-математика, посмеявшегося подвергнуть сомнению устоявшуюся парадигму. Между тем, новая хронология Фоменко опирается на математические алгоритмы проверки сопоставимости данных и позволяет нащупать реальный ход исторических событий, выявляя подделки и фальсификации. Она позволяет взглянуть на историю не как на причудливое сочетание случайных событий, бесконечных взлётов, падений и топтания на месте различных государств, а как на логически объяснимую картину последовательного усложнения общественного мироустройства. Тем самым становится возможным формирование научной парадигмы в истории и других общественных науках, раскрывающей внутреннюю логику разворачивающегося в мировой истории процесса развития человечества и позволяющей строить прогнозы обозримого будущего.

ГЛАВА 2. Логика социально-экономического развития

Развитие общества как целостной органичной системы должно подчиняться некоторым общим закономерностям эволюции сложных систем, изучением которых занимается кибернетика и синергетика. До сих пор, несмотря на господство системного подхода в современной науке, общественные науки мало используют системный анализ, а также спокойно относятся к обилию не вписывающихся в теорию фактов и взаимоисключающим друг друга концепциям. Им неизвестен эксперимент как доказательство правильности теории, их не смущают провальные результаты рекомендаций, а также несбывшиеся прогнозы. Критерием истины в общественных науках является признание их теоретических изысканий органами власти и коллегами по научной школе, которая часто вырождается в секту единомышленников, обладающих неким квазисакральным знанием.

Для формирования научной парадигмы в общественном сознании нужно опереться на некоторые общие законы, вытекающие из теории эволюции сложных самоорганизующихся систем.

2.1. Общие законы эволюции социальных систем

Исходя из общих представлений о закономерностях развития органических систем, теории синергетики и кибернетики, можно предположить, что в социально-экономическом развитии должны соблюдаться следующие общие законы.

1. Общество развивается от менее сложных к более сложным формам организации социального действия, что сопровождается соответствующим усложнением социальной структуры, накоплением знаний и информации.

2. Не может менее развитое общество подчинить себе более развитое. Речь в данном случае идёт, разумеется, о качественных различиях в уровне развития, которые не могут быть преодолены путём имитации технологических достижений и институтов вследствие принципиальной неспособности людей менее развитого общества к их освоению. Например, жители Америки и Африки в XVI–XVII веках не могли сопротивляться европейцам, которые находились на качественно более высоком уровне развития. Потребовалось три столетия, чтобы они смогли построить свои национальные государства и овладеть способностью к использованию современных технологий. В то же время в странах, связанных между собой производственно-технологической кооперацией и обладающих схожими системами управления и организации производства, различия вполне преодолимы путём переноса и совершенствования технологий и институтов. И между ними постоянно идёт соревнование, в ходе которого менее развитые страны периодически вырываются вперёд, оставляя позади вчерашних лидеров и меняя структуру международного разделения труда. Пользуясь определением мир-системы Валлерстайна, можно утверждать, что на периферии мировой экономико-политической системы периодически вырастают общества, перенимающие лучшие достижения центра и создающие свой центр превосходства. Если при этом старый центр стагнирует или находится в кризисе, а менее развитое общество полно сил и желаний стать развитым, обладая высокой степенью пассионарности, то оно подчиняет себе более развитое общество. Именно поэтому развитие человечества носит не линейный, а спиралевидный или волновой характер.

Более развитые общества, как правило, с пренебрежением относятся к отстающим, будучи уверенными в своём превосходстве. Но если по отношению к обществам, находящимся на качественно низшей ступени развития, это позволительно, то по отношению к периферийным обществам, способным к воспроизводству достижений центра, за это пренебрежение приходится расплачиваться поражением в глобальной конкуренции.

3. Развитие общества – нелинейный, неопределённый и неравновесный процесс, в котором этапы стабильного роста чередуются со структурными кризисами, сопровождающимися войнами и революциями. В процессе таких кризисов происходит ломка сложившейся структуры общества, его кратковременная хаотизация, преодолеваемая становлением новой, более сложной и эффективной системы социально-экономического устройства.

При всей своей очевидности, эти общие закономерности игнорируются исторической наукой. Господствующая парадигма полна противоположных утверждений, допускающих завоевание высокоразвитых государств намного ниже находящимися по уровню организации и техники племенами. К такого рода мифам относятся норманнская теория о призвании для управления на Русь варягов-викингов, а также миф о татаро-монгольском нашествии, призванные навязать русскому народу комплекс исторической неполноценности. Эти мифы дополняются откровенно клеветническими “документами” западных путешественников, рассказывающими о диких нравах и вековой отсталости русских земель. Несмотря на многочисленные опровержения подобных свидетельств, они продолжают кочевать по учебникам истории, закрепляя карикатурный образ исторической России.

В качестве современного примера подобной антинаучной фальсификации очевидной картины мира следует упомянуть упражнения русофобствующих необандеровцев, кличущих современных российских граждан “ватниками” и “награждающих” их подобными эпитетами с целью демонстрации своего превосходства вопреки очевидному интеллектуальному и экономическому упадку современной Украины.

Следует отметить, что многие серьёзные западные историки, чтобы не опускаться до воспроизводства очевидных фальсификаций, вовсе не упоминают Россию в своих исследованиях процессов мирового социально-экономического развития. Огромная территория от Москвы до Чукотки остается до сих пор terra incognita для западных любителей истории, не знающих русского языка. Характерная для общественного мнения стран Запада русофобия и систематическое замалчивание исторических данных о достижениях российской

цивилизации косвенно подтверждает гипотезу Фоменко о существовании Великой империи, от которой на европейских картах XVII века осталась огромная Тартария без указания городов и административных образований.

Попробуем раскрыть логику социально-экономического развития человечества, опираясь на известные закономерности эволюции языка и мышления, смены технологических и мирохозяйственных укладов. Последние раскрывают закономерности долгосрочного развития современной экономики, начиная с промышленной революции и формирования институтов воспроизводства капитала в XVII–XVIII веках. До этого эволюция социально-экономических отношений определялась закономерностями циклического воспроизводства традиционного общества с характерным для него отсутствием ощущения прогресса.

Исходя из сегодняшней картины мира, состоящего из двух сотен национальных государств и их региональных объединений, кажется, что и раньше человечество было разделено на автономные конкурирующие друг с другом социумы. Хотя нынешние государства связаны друг с другом переплетающимися интересами их властвующих элит в отношениях определенной субординации вплоть до формирования однополярного мира, который до недавнего времени был биполярным, считается, что в древности различные социумы могли функционировать независимо друг от друга. Это очевидно в отношении Нового Света, который попал на орбиту европейской цивилизации в результате Великих географических открытий полтысячелетия назад. Это кажется верным в отношении труднодоступных районов тропической Африки или Крайнего Севера. Но большая часть Евразии и Северная Африка в течение всей известной истории человечества была населена взаимодействующими друг с другом социумами, которые не только торговали и воевали друг с другом, но и периодически переселялись и перемешивались. Вплоть до появления Вестфальской системы национальных государств между ними не было строго очерченных границ, не существовало и правовых трансграничных барьеров. В этой подвижной многоликой человеческой среде властно-хозяйственные отношения формировались на основе традиционных механизмов, которые менялись принудительным образом путём насильственных завоеваний. Более организованные и развитые социумы подчиняли себе менее отстающие в развитии производительных сил и хуже организованные разрозненные сообщества близ обитающих людей.

По-видимому, со времён появления первых государственных институтов в Древнем Египте и Месопотамии до образования Вестфальской системы национальных государств в XVII веке социально-экономическое развитие человеческой цивилизации происходило в рамках империй – крупных государственных образований, объединявших различные этнические и социальные группы под единой властью, исповедовавшей общую идеологию и формировавшей единые правила социально-экономических отношений. Империя имела центр, в котором концентрировалась духовная, политическая и военная власть, персонифицированная в образе сакрального царя, а также обширную плохо управляемую периферию, в которой контроль осуществлялся через назначаемых центром наместников. Последние обладали широкими полномочиями и значительной автономией, которая отразилась в дошедшей до нас поговорке: до царя далеко, до Бога высоко, а я вам и царь, и Бог, и воинский начальник. Наместники, как правило, назначались из царской семьи и чувствовали себя вполне уверенно, вступая часто в междоусобные войны, а иногда посягая и на верховную власть.

Империя обеспечивала стабильность бесконечного воспроизводства общинного уклада жизни с разделением общества на устойчивые социальные группы, различающиеся функциональной принадлежностью. Административный аппарат опирался на воинское сословие и духовенство, удерживая в повиновении численно доминирующую и организованную в общины, прикрепленную к земле крестьянскую массу. Раз возникнув, имперская государственность постепенно захватывала всё географически доступное, населённое людьми пространство, опираясь на более высокую организацию производительных сил и концентрацию мощи, недоступную для разрозненных и отстающих в своём развитии социумов. Преимущество первого государственного образования над неорганизованным человеческим пространством было столь очевидным, что трудно предположить одновременное зарождение и сосуществование нескольких

империй. Как правило, в каждый момент времени существовала одна империя, которая могла на какое-то время раскалываться, терять контроль над некоторыми провинциями, изменяться и даже трансформироваться под влиянием внутренних противоречий и внешних вызовов.

Имперское управление в традиционном обществе сильно отличается от современного понимания теории государственного управления. Государственные институты поддерживали рутинные процедуры жизнедеятельности населения и обеспечивали расширение империи, воспроизводясь в почти неизменном виде в течение веков. Вместе с тем, превосходство в уровне организации общества и технике над окружающим человеческим миром обеспечивало империи расширение до естественных географических границ, преодоление которых требовало качественных скачков в численности населения и развитии технологий. Первый вопрос, на который должна дать ответ наука о развитии общества, заключается в объяснении генезиса первых государственных образований, изначально, по-видимому, носивших имперский характер.

2.2. Диалектика развития языка и мышления как необходимое условие возникновения государственных образований

Моментом возникновения человека разумного следует считать появление второй сигнальной системы – языка. Этот процесс, описанный Поршневым в книге “О начале человеческой истории”¹⁹, мог занять длительное время, начиная от первых слов-команд и слов-ответов до членораздельных утверждений. Первобытная человеческая общность, первой создавшая вторую сигнальную систему, получала колоссальное преимущество над остальным проточеловеческим миром. Хотя первобытная речь весьма слабо напоминает современный язык и не даёт оснований для логического мышления, она позволяет людям взаимодействовать более сложным образом по сравнению с гоминидами, руководствующимися инстинктивными и рефлекторными реакциями, интуитивно ощущающими окружающий мир. Становится возможным накопление информации, необходимой для закрепления и воспроизводства усложняющихся коллективных действий, начиная от обустройства жилища и заканчивая расширением среды обитания. Возникают социальные отношения и закрепляются социальные роли, позволяющие первобытному обществу самоорганизовываться в меняющихся ситуациях. Постепенно формируется изученная антропологами родоплеменная структура человеческого общества с характерными для неё иерархическими отношениями, необходимыми для расширенного воспроизводства первобытного социума. Это расширенное воспроизводство шло как естественным путём, так и захватом и подчинением близрасположенных общностей других гоминид. Таким образом, могли создаваться большие протогосударственные образования, в которых господствующее положение занимало племя, впервые освоившее вторую сигнальную систему.

Считается само собой разумеющимся, что первобытные родоплеменные структуры возникали в разных частях планеты независимо друг от друга. В пользу этой точки зрения говорит разнообразие языков, традиций и материальной культуры разных народов, населяющих сегодня планету. Однако структура организации первобытных обществ, изученных антропологами в разных частях света, поражает своим единообразием. Да и характерный для них инкорпорированный строй языка имеет общие особенности мышления, ещё не выделяющего причинно-следственные связи и не отделяющего личность от окружающей среды²⁰. При всём разнообразии языков, в отсутствие письменности они были бедны и подвижны, разбивались не только между племенами, но и между половозрастными группами, плавно переходили друг в друга, образуя языковой континуум. Так что вполне возможно, что однажды возникнув в одном проточеловеческом социуме, речевое взаимодействие затем быстро распространялось среди гоминид посредством как принуждения, так и имитации.

В статье “Размышления о происхождении человечества на Горном Алтае”²¹ автором была высказана гипотеза о закономерностях расселения первобытных людей, исходя из теории происхождения человека Поршнева и данных ДНК-генеалогии Клёсова²². Согласно авторской гипотезе, человек разумный, обладающий второй сигнальной системой (речью), выделяется из популяции гоминид в горах Алтая не далее десяти тысяч лет назад. Опираясь на своё

качественное превосходство в организации коллективных действий благодаря второй сигнальной системе, первобытные люди физически поглощают окружающее проточеловеческое пространство. Насильственно подчиняя себе соседние сообщества гоминид, они формируют племена, которые совершают экспансию по всем географически доступным направлениям. А. Клёсов выделяет две крупные ветви этой первобытной человеческой общности – ариев и эрбинов, которые поглотили всё евразийское пространство к Западу и Югу от Алтая.

Следующий этап в развитии человечества – формирование государственных образований. Ключевой вопрос – определение места и времени возникновения первого государственного образования. Для этого человеческое мышление должно было научиться различать положение людей в обществе, что невозможно без идентификации самой личности человека. Этого не могло произойти в рамках характерного для первобытного общества инкорпорированного языкового строя. Лосев следующим образом определяет его социально-историческое место:

“На этой ступени отсутствует вся мифология, отсутствует различение частей речи, а также ещё нет членов предложения. Отдельные звуковые комплексы, понимаемые нами в настоящее время как слова, вовсе ещё не есть слова с определёнными основами и определёнными оформителями этих основ. Каждое слово можно понимать и как существительное, и как прилагательное, и как глагол, и вообще как любую часть речи. Подлежащее и сказуемое определяются исключительно только местом данного звукового комплекса в предложении. Все предложение, таким образом, является, в сущности, только одним словом.

Отсутствие морфологии указывает на отсутствие в мышлении чётко фиксируемых предметов и чёткого их взаимоотношения. Вещи различаются между собой и имеют определённые контуры только для ощущения, для чувственного восприятия. Для мышления же они являются только размытыми и бесформенными пятнами. Кроме того, поскольку здесь отсутствует различие между основой слова и её оформителями, постольку в мышлении отсутствует различие сущности и явлений. А это значит, что явление здесь не есть только проявление сущности, как это мы думаем в настоящее время, но сама же сущность, то есть оно нумерически тождественно с ней. Из этого же вытекает, что явлениям приписываются здесь все функции сущности, а сущности – все функции явления. А отсюда – необходимость толкования всего происходящего как фантастического, чудесного, волшебного, сказочного, магического, чародейского.

Поскольку, далее, здесь не только отсутствует морфология, но отсутствуют вообще и части речи, мышление оказывается здесь лишённым дифференцированных, логических категорий. Но все категории в слитном и недифференцированном виде присутствуют сразу везде, откуда – основной принцип первобытного мышления “всё во всём”.

Лосев следующим образом характеризует взаимосвязь развития языка, мышления и общества: “В области общественной практики растёт разделение труда, приводящее к гибели всю первобытную собирательно-охотничью экономику и к возникновению производящего хозяйства, основанного на изготовлении или разведении сознательно запланированного продукта, к выделению скотоводства, земледелия и ремесла в виде особых и специфических отраслей. Непроступная крепость стихийных сил природы и общества постепенно расшатывается от их непрерывного штурма человеком и человеческим трудом; и вместо своего слепого, стихийного и всемогущего характера они начинают приобретать более дифференцированный, более понятный и потому легче овладеваемый характер.

Но что же иное может происходить в логике и грамматике? Ведь и здесь единственный путь развития – это дифференциация, происходящая и в логическом суждении, и в грамматическом предложении. Раньше не было морфологии. Ясно, что теперь на очереди развитие морфологии, а вместе с ней – возникновение необходимости различать сущность и явление, что ведёт уже к убыли фантастики и к прогрессу чёткого различения вещей. Раньше не различались части речи. Ясно, что дальнейшее развитие языка и мышления должно было приходиться к установлению этих частей речи, а вместе с тем и к постепенному ослаблению принципа “всё во всём”, который был оплотом

первобытного размытого и расплывающегося мифологического мышления. Раньше не различались члены предложения. Ясно, что теперь очередь за этим различием; а вместе с этим последним расшатывается и вся первобытная оборотническая логика, и мышление постепенно переходит на рельсы более реалистического отражения объективного взаимодействия вещей. Наконец, субъект и предикат выступали раньше только своим местоположением, своей конфигурацией и расположением в предложении. Ясно, что теперь наступила очередь другой, более глубокой и более оформленной оценки субъекта и предиката в суждении и предложении. В результате всего этого слепой и недифференцированный объект, бывший предметом суждения и предложения и фиксируемый в них только как некоторый факт, неизвестно какой и неизвестно чего, начинает дифференцироваться; и в нём начинают выступать те или иные контуры, те или иные смысловые признаки, и выступать не слепо и инстинктивно, а мыслительно, сознательно и выразительно, выступать уже действительно в виде субъекта и предиката в разумно построенных суждениях и предложениях. Таким образом, если в общественной практике ведущая роль принадлежит разделению труда, то в мыслительной практике ведущая роль тоже принадлежит дифференциации мыслительного труда, а также и прогрессирующей разделительности продуктов этого мыслительного труда”.

Исходя из открытой Лосевым взаимосвязанности языка и мышления, можно сделать вывод о том, что государственные институты не могут появиться ранее возникновения соответствующего их сложности взаимодействия людей языкового строя, который позволял бы выстраивать иерархические отношения и организовывать сложные виды коллективного действия, начиная от военного дела и заканчивая строительством административных зданий. Это известный в филологии эргативный строй.

Как пишет А. Ф. Лосев, “мы хотели бы выразить существо эргативного строя терминами общеисторического развития. Это общеисторическое развитие явно ещё не выходит здесь за пределы общинно-родовой формации. Ведь где человеческая личность больше всего связана с обществом, как не в эти бесконечные по длительности периоды общинно-родовой формации? Вначале человеческая личность вообще не чувствует себя как таковую. В этом первобытном коллективизме и труд, и средства производства, и орудия производства – всё находится в абсолютном ведении только самой же общины ближайших родственников. Самоощущение человеческой личности является результатом лишь огромного исторического прогресса и является скорее предзнаменованием уже разложения первобытной родовой общины. Но даже когда появились это личное самоощущение, оно всё ещё находилось в полной внутренней зависимости от общины. В результате экономического и технического развития, в результате усложнения потребностей отдельного человека и, вообще говоря, в результате развития производительных сил рано или поздно, но индивидуальный человек начинает уже ощущать себя самого как такового. И, тем не менее, на протяжении весьма длительного периода он всё ещё творит волю своей общины. Он теперь выступает как отдельный индивидуум, но в этом отделении себя от родовой общины он ещё далеко не порывает с ней, отличается от неё, но не отделяется от неё. Наоборот, сначала этот индивидуум, отличающий себя от общины, не имеет ровно никаких мыслей и чувств внеобщинного характера.

Есть все основания думать, что эргативный строй мысли, в котором актив и пассив слиты в одну неразличимость, является отражением как раз таких зрелых периодов общинно-родовой формации, когда вся личная жизнь человека пока ещё определяется интересами общины, почему он и пассивен. Но когда вся эта внутренняя и внешняя жизнь человека переживается им уже как своё личное достояние, как своя интимнейшая потребность, свершается акт свободного произволения. Ясно также и то, что эргативный строй языка и мысли не может претендовать на такую же необъятную универсальность. Это, скорее, конец всей общинно-родовой формации”.

Следует заметить, что в первых известных нам государственных образованиях положение личности целиком определялось его принадлежностью к социальной группе, которые не смешивались между собой. Хорошо известное на примере Индии кастовое устройство общества было, по-видимому, универсальной характеристикой первых государств. Их руководящий слой, включающий царскую семью, жрецов, наместников и военачальников, состоял,

по-видимому, из представителей одного племени, которое в своё время путём принуждения сумело организовать локальные социумы на географически замкнутой территории. Члены этого племени мыслили себя богами, призванными руководить остальными племенами, выполнявшими всю необходимую для жизнеобеспечения общества и государства физическую работу. Представители этих племён безропотно подчинялись установленному порядку, понимая свою принадлежность к рабочему сословию как раз и навсегда предзаданную свыше. Именно такой порядок архаичного общества наблюдали конкистадоры, вторгнувшись в империю инков в Южной Америке. Государствообразующее племя инков, завоевав географически доступную территорию, стало правящим, сформировав политическую, духовную и военную власть империи, распространив свой язык и традиции на всё покорённое пространство.

Как утверждает Лосев, «действие субъекта не могло мыслиться с самого же начала совершенно свободным. Эта свобода и самостоятельность грамматического и логического субъекта были на первых порах так же ограничены, как и свобода самого человеческого индивидуума в тогдашней социально-исторической обстановке. Человек уже начинал чувствовать себя действующим началом, а не просто только пассивным орудием в руках неведомых, непреодолимых и вполне стихийных сил природы и общества. Но человек не мог с самого начала не ставить свои действия в зависимость от этих окружающих его сил. Он и продолжал ставить себя в зависимость от этого; но всё же тут была безусловная новость, а именно его *сознательное* и *намеренное* действие, которого раньше человек в себе не замечал, приписывая всякое своё действие неведомым причинам. Неведомые причины всё ещё оставались, но теперь они детерминировали человека не на пассивность, но на активность; и человек, чувствуя свою зависимость от высших сил, всё же чувствовал в себе одновременно и способность действия. Это и выражено эргативным падежом подлежащего, которое в этих условиях, очевидно, мыслится настолько же действующим, насколько и страдающим. Субъект тут и действует, и является орудием высших сил»²³.

Исторически между инкорпорированным и эргативным строем лежит весьма длительная эпоха прономинального и посессивного языкового строя. Лосев следующим образом характеризует этот переход: «Прономинальный строй, взятый в чистом виде, всё ещё не знает разделения частей речи. Но, несмотря на это, языки, лишённые разделения частей речи, вдруг почему-то начинают вводить лично-местоименные показатели в свои глаголы-имена и тем самым приближать эти слова к глаголам, постепенно вырабатывая в них из этих показателей флексии и вообще спряжения.

Прономинальный и посессивный строй выдвигают новую категорию в языке, или, вернее, две новые категории — *субстанцию* и *принадлежность* ей свойств. Субъект предложения и суждения указывает здесь уже не просто на факт вещи и потому определяется уже не просто своим местом в предложении и суждении, но он обладает показателями его субстанциальности и показателями принадлежности ему свойств, к нему относящихся. Но эти две категории получают тут же и своё, вполне понятное и тоже весьма естественное углубление, становясь показателями *индивидуума*, *личности*.

Если раньше, на ступени инкорпорированного строя, человеческое мышление способно было фиксировать только сам факт существования вещей, а не их постоянные или непостоянные свойства, и соответственно предметный мир представлялся такому мышлению в виде абсолютизированных фактов вещей в условиях сплошной текучести и слепой неразберихи качеств этих вещей (тотемизм и фетишизм), то теперь, на ступени прономинального и посессивного строя, начинает упорядочиваться для человеческого мышления и предметный мир: здесь начинают различаться более или менее постоянные свойства вещей и свойства непостоянные; начинают намечаться различия сущности вещей и их явлений; возникают фетиши с определёнными свойствами вместо прежнего текучего сумбура, и этим фетишам начинает принадлежать нечто определённое. Сами фетиши распределяются по тем или иным родам с более или менее твёрдым кругом собственности, то есть относящихся к ним предметов.

Сама категория субстанции тоже заметно растёт. Сначала она ещё довольно плохо размежевывается с другими субстанциями; и выступавшие

здесь “я”, “ты”, “мы”, “вы” во многих отношениях ещё попросту тождественны со многими другими вещами и лицами, составляющими их ближайшее окружение. Первое “я”, несомненно, ещё чисто коллективно и свидетельствует о всемогуществе рода или племени и о полной подчинённости ему всякого индивидуума, подобно тому, как на стадии инкорпорации человеческий индивидуум тоже зависел от окружающей среды и ощущал себя её несущественным придатком. Язык показывает, что на место этих непреодолимых и стихийных сил природы и общества, по необходимости представляемых в виде тотемов и фетишей, всё больше и больше выступают общественный коллектив, родовая и племенная община, которая и оказывается первым “я”, первой субстанцией, какую открывает человеческое мышление с тем, чтобы в дальнейшем дать место для развития и отдельных индивидуумов, для отдельных “я” и “ты”, для прогрессирующего освобождения личности и личной инициативы”²⁴.

Формирование государственных институтов, регулирующих процесс производства и распределения общественного продукта, требовало понимания возможности и необходимости отчуждения этого продукта от производителя и его распределения между социальными группами. Сами эти группы тоже должны были чётко идентифицироваться людьми. Поэтому до возникновения прономинального строя об этом не могло быть и речи. Таким образом, можно считать, что образование первых государств происходит не ранее возникновения прономинального языкового строя.

Лосев считает, что это стало возможным на целую эпоху позже – после возникновения номинативного языкового строя. Он так описывает “замечательные свойства номинативного предложения. Его субъект, его предикат и его объект выше всяких частностей и случайных свойств, выше действия и страдания. Это понимание субъекта как тождественного с самим собой впервые обеспечивает полную возможность улавливать его среди смутно текущих вещей, определять его существенные признаки и противопоставлять их несущественным признакам и вообще чётко различать в вещах их сущность и их явление и открывать закономерные переходы между этими сущностями и этими явлениями. А вместе с принципом закономерности номинативной мышления впервые оказывается способным открывать и формулировать законы природы и общества, закономерности всей действительности, так что здесь впервые на месте фетишей и демонов мыслятся те или иные закономерности... Номинативный строй языка и мышления с этой точки зрения является величайшей победой человеческого разума над неразумными стихиями и первым реальным шагом к открытию в них закономерности и, следовательно, первым реальным шагом к переделыванию жизни путём использования этих её закономерностей.

Можно и точнее сказать о социально-историческом происхождении номинативного строя. Мы утверждали, что эргативный строй стал возможен только в эпоху производящего хозяйства и не был возможен раньше, когда жизнь ещё продолжала довольствоваться присвоением готового продукта. Язык и мышление номинативного строя, очевидно, отражают дальнейший прогресс производящего хозяйства. И если в них речь заходит о самостоятельности человеческого индивидуума, то, очевидно, в пределах общинно-родовой формации мы должны здесь искать ту эпоху, когда отдельный индивидуум, при всех своих внутренних и внешних связях с общинным коллективом, уже начал играть заметную экономическую роль. В мифологии наступил так называемый *героический век* вместо прежнего, колоссального по своей длительности периода фетишизма и демонологии”.

Как видим, Лосев относит переход от эргативного языкового строя к номинативному к античному времени, связанному в традиционной историографии с древнегреческим государством. Древнегреческий язык эргативного строя стал также первым буквенным языком, открывшим новые возможности обучения грамотности широких слоев населения по сравнению с иероглифическим письмом кастового древнеегипетского общества. С этого момента становится возможной широкая экспансия государствообразующего народа, получившего возможность расширенного воспроизводства чиновников, необходимых для осуществления государственных функций. Это было невозможно в египетском царстве, где только малочисленная каста жрецов владела иероглифической письменностью, что давало ей сакральные основания для управления государством. Буквенная письменность даёт возможность подготовки

необходимого количества грамотных людей для образования Римско-Византийской империи, поглотившей и цивилизовавшей огромную территорию от Европы до Индии, включая Северную Африку.

Считается, что параллельно египетскому царству существовало древнеки-тайское государство, а также протогосударственные образования в Индии, на Среднем и Ближнем Востоке. Даже если предположить, что первые государственные образования появляются на эпоху раньше, в период зарождения эргативного строя, то, с учётом протяжённости предшествующего ему периода прономинального и посессивного языкового строя, эпоха формирования первых государственных институтов составляет несколько тысяч лет. Могли ли в разных частях планеты они сформироваться одновременно? Очевидно, что вероятность такого совпадения близка к нулю.

Гораздо более вероятным является формирование первых государственных образований в Месопотамии и Египте с последующим распространением этой протогосударственной на близлежащие территории и их имитацией в сообщающихся регионах мира. До появления эргативного строя первобытное общество не могло освоить механизм производства, отчуждения и перераспределения продукта по установленным правилам. Оставаясь в рамках прономинального и посессивного языкового строя, люди могли заниматься охотой и собирательством с организованным перераспределением продукта бигменом, выполнявшим функции регулятора воспроизводства родовой общины.

В первобытных отношениях между людьми действовал сугубо психологический механизм, предписывавший каждому делиться необходимым продуктом с каждым²⁵, а избыточный продукт хранился и распределялся бигменом, исходя из социально-психологических законов воспроизводства родовой общины. Механизм производства и распределения материальных благ в первобытном обществе основывался не на рациональном соизмерении предельной производительности факторов производства или затраченного труда, а исключительно на социально-психологических законах, регулирующих поведение не обременённых логическим мышлением людей. В мифологическом сознании античных людей производство и обмен материальных благ регулировались не рациональными соображениями о предельной производительности или цене рабочей силы, а устоявшимися традициями, обеспечивавшими воспроизводство общественного организма.

Наряду с функцией бигмена, замещавшей отсутствующие в первобытном обществе рыночный и административный механизмы, социальная структура родоплеменного общества предусматривала роль вождя, активизировавшегося в периоды межплеменных столкновений, и шамана, выполняющего ритуальные функции. Этого было достаточно для воспроизводства родоплеменной общности, но явно не хватало для формирования государственных институтов. Прорыв, по-видимому, происходит с возникновением эргативного языкового строя в одном из племён, которое получает возможности для организации более сложных видов общественной деятельности. В том числе для сельскохозяйственной, строительной, военной, что даёт ему сокрушительные преимущества в подчинении других племён и освоении географически доступного пространства.

Очевидно, что переход от охоты и собирательства к земледелию был невозможен без появления речи. Причём речи достаточно развитой, предполагающей выделение человека из окружающей среды и возможность деятельностного преобразования последней. Эта деятельность предполагала организацию сельскохозяйственного производства, включавшего проведение сезонных работ, обустройство хранилищ, изготовление простых орудий и даже проведение мелиоративных работ с доставкой воды на поля. Организация предполагает иерархию с властно-хозяйственными отношениями. А это, как доказывал Лосев, немислимо до появления эргативного языкового строя.

Вероятность того, что возникновение нового языкового строя могло одновременно произойти в разных частях земного шара, близка к нулю. До сих пор в его некоторых уголках живут народы, использующие инкорпоративный языковой строй, не помышляя ни о земледелии, ни о собственной государственности. Даже проживание на территории современных государств не оказывает заметного воздействия на развитие их языка и образ жизни. Исходя из крайне низкой вероятности совпадения во времени столь эпохальных событий, как возникновение нового языкового строя, возникает гипотеза, что

первое государственное образование и одновременно первая империя возникают в результате завоевания обширного пространства расселения первобытных людей племенем, язык которого относился к эргативному строю.

Другим необходимым условием формирования государственных институтов является письменность. А для имперских государств, объединяющих множество различных этносов, – письменность алфавитного типа. Именно таким был древнегреческий язык, что косвенно доказывает появление первого государственного образования в Восточном Средиземноморье. Сочетая буквенную письменность и эргативный строй, древнегреческий язык стал, по-видимому, ключевым преимуществом владевшего им социума, позволившим покорить и освоить всё доступное пространство, которое известно сегодня как античный мир.

2.3. Логика эволюции социальной организации

Согласно теории происхождения человека Поршнева²⁶, экологической нишей обитания первобытных людей, только овладевающих второй сигнальной системой, были пещеры, из которых они выходили в ночное время для поедания костей павших животных. Занимая в трофической цепи последнее место, первобытные люди не представляли опасности для более сильных животных, свободно перемещаясь среди звериного мира и взаимодействуя с ним на экстрасенсорном уровне. Эта экологическая ниша, была хоть и относительно безопасной, но весьма скудной и ненадёжной, что приводило, как считает Поршнев, к каннибализму и некрофагии.

Вполне вероятно, что распространение первых людей, овладевших речью, происходило путём миграции молодых мужчин, которые использовали превосходство в коммуникации для покорения соседних сообществ гоминид с буквальным поглощением их мужской половины и продолжения рода с оставшимися особями женского пола. Этим объясняется и языковая континуум первобытного языка, который различался между сообществами людей пропорционально расстоянию между ними.

В конце концов, расселение первых людей, овладевших второй сигнальной системой, предположительно, в горах Алтая, по планете должно было привести к поглощению всех гоминид и установлению равновесия, выход за пределы которого стал возможным только с освоением новой экологической ниши – охоты и собирательства. Эта ниша на порядок увеличивала возможности расширенного воспроизводства человеческой популяции, но оставалась весьма ограниченной. Сталкиваясь с экологическими ограничениями, сообщества первобытных людей перешли к прямому столкновению друг с другом, в ходе которых формировались родоплеменные общности, наиболее успешные из которых устанавливали контроль над обширными территориями.

Конкурентоспособность племени определялась уровнем его организации, который зависел от коммуникативных возможностей языка. Он развивался в межплеменных столкновениях, в коллективной борьбе человеческих общностей за выживание. По мере усложнения языка расширялись возможности коллективного действия. Но выйти за пределы охотничье-собирательской экологической ниши с языком инкорпорированного строя было невозможно. Только с очередной революцией в языке и мышлении – освоением эргативного строя – стал возможен прорыв к земледелию и скотоводству. Этот прорыв должен был произойти в условиях высокой концентрации людей, организованных в племя, достигшее естественных пределов своей экспансии. Его дальнейшее расширенное воспроизводство требовало кардинального повышения продуктивности экологической ниши обитания. Исходя из имеющихся археологических данных, в эту нишу входили долина Нила и Месопотамия, где первобытный человек впервые освоил земледелие и организовал первые государственные институты. Едва ли столь длительный по эволюции процесс, как накопление предпосылок для качественного скачка в мышлении и переход к на порядок более совершенному языковому строю, мог произойти одновременно в разных уголках планеты. Скорее племя, первым совершившим языковую революцию и получившее очевидные преимущества в освоении сложных видов деятельности, давало ответвления на соседних географически замкнутых пространствах. Со временем этнические различия между ответвлениями господствующего племени вследствие смешения с местным населением и

эволюцией языка становились достаточно заметными для восприятия их как разных цивилизаций.

В подтверждение этой гипотезы свидетельствуют, например, древнеиндийские сказания о спустившихся с северных гор белых людях, которые подарили им огонь и другие достижения тогдашней цивилизации. Заметим, что, согласно исследованиям Клёсова, брахманы, составлявшие в индийском обществе высшую касту жрецов, являются, в основном, генетическими арийцами.

Согласно гипотезе Клёсова, сформировавшиеся в горах Алтая племена ариев и эрбинов затем мигрировали разными потоками на Запад и Юг, встретившись в Центральной Европе. Возможно, и остальные части возникшей на Алтае проточеловеческой общности, вследствие перенаселения занимавшейся ими экологической ниши, расселились друг от друга в разные стороны, поглощая окружающие их общности гоминид и формируя разные племена, породившие со временем известные нам цивилизации.

Согласно как общепринятой в исторической науке, так и новой хронологии Фоменко²⁷, первые государственные образования, возникнув в Египте и Месопотамии, распространили свой опыт формирования государственных институтов на весь средиземноморский ареал, трансформировавшись в Римско-Византийскую империю. В последующем доминирующей в мире стала Ордынская империя, охватившая почти всю Евразию. Если устройство Русско-Ордынской империи требует прояснения из-за системных фальсификаций, то Древний Египет и Византия представляли собой теократические государства, в которых глава совмещал роли административного, военного и религиозного руководителя. Устройство такого государства соответствовало популярной в советском общественном сознании ссылке на так называемый азиатский тип производства, камуфлировавший маргинальность марксистской теории смены социально-экономических формаций.

Азиатский способ производства доминировал в мире вплоть до появления Вестфальской системы национальных государств после развала Священной Римской империи и Великой смуты в России в XVII веке. Обломки некогда единой мировой империи просуществовавшие ещё два столетия в виде Китайской и Османской империй, не вписывались в европейские представления о развитии человечества и потому были объявлены тупиковыми ветвями социальной эволюции. Их изучением не любили заниматься ни советские, ни европейские историки, руководствующиеся линейной логикой исторического процесса. Первые – историческим материализмом, согласно которому человечество в своём развитии прошло эпохи первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического, социалистического строя, чтобы вскоре перейти в коммунистический рай. Вторые – в сущности, расистской концепцией европейской цивилизации, проложившей человечеству дорогу в рай свободы личности и прав человека. Разумеется, обе эти концепции выполняли идеологическую функцию оправдания претензий властвующей элиты европейских государств на мировое господство. Под эту функцию и писалась общепринятая сегодня историческая хронология, и сочинялись интерпретации реальных событий. В этом мифотворчестве была своя логика.

ГЛАВА 3. Логическая реконструкция истории

Раскрывая логику современной интерпретации истории, мы сделаем попытку выявления истинного хода событий, определявших развитие человечества. При этом мы рассмотрим, главным образом, отечественную историю. Это связано с центральным положением нашей страны в Евразии: географически, духовно и политически Россия всегда была важнейшей составляющей евразийских имперских образований. При этом понимать роль России в развитии человечества следует не в смысле русской национальности, которая сформировалась относительно недавно, и не в смысле русской государственности, которая меняла своё содержание, и даже не в смысле православной веры, которая охватывает более широкий ареал. Все эти важнейшие составляющие русской цивилизации складываются в нечто более фундаментальное и до конца пока не понятое явление, имеющее, несомненно, ключевое значение для развития всего человечества. Анализ этого явления начнём с его отрицания европейской историографией.

3.1. Логика европейской интерпретации истории

Европейская интерпретация истории общеизвестна. Её логика заключается в обосновании претензий европейской цивилизации на мировое господство. Согласно ей, европейские нации играли ведущую роль в развитии человечества, обустроивая мировое пространство на основе достижений научно-технического и социального прогресса. В подтверждение этой концепции, в дополнение к очевидным достижениям европейской цивилизации, начиная с первой промышленной революции в конце XVIII века, создана доминирующая сегодня в общественном сознании историография. Она сводится к последовательному глобальному лидерству Древнегреческой и Древнеримской империй в античности, эстафету которых затем переняли Священная Римская, а потом европейские колониальные империи. Эта линейная картина мира призвана убедить человечество в абсолютном превосходстве властвующей элиты европейских наций, преемником которых в настоящее время выступают США.

Идеология навязываемого сегодня Вашингтоном Pax Americana основывается на исторической преемственности США и античного Древнего Рима со всеми промежуточными этапами доминирования европейской цивилизации. Во избежание очевидных противоречий в общепринятой сегодня историографии предали забвению длительные эпохи Византийской и Русско-Ордынской империй, представив последнюю как период варварского разорения обширных пространств Евразии. Вопреки многочисленным фактам, свидетельствующим о её технологическом и социальном превосходстве над европейским захолустьем, западные историки соревновались в лживых сочинениях об отсталости и дикости восточных соседей. Апофеозом исторического мифотворчества стала внедрённая в российскую историографию норманнская теория, согласно которой дикие русичи пригласили управлять собой варяжских князей. Хотя никто в здравом уме не станет добровольно идти под чужое владычество, а скандинавские племена в то время пребывали в диком, по сравнению с урбанизированной Русью, состоянии, эта нелепая доктрина прочно укоренилась в отечественных учебниках и в исторической науке.

На вопрос о генезисе фундаментального отличия западноевропейской государственности от восточной и азиатской нет однозначного ответа. Если правы европейские идеологи, то почему более прогрессивная, с их точки зрения, система институтов Римского права не обеспечила ускоренное развитие экономики Древнего Рима, павшего под натиском варваров? Ведь обеспечила же эта система институтов бурное развитие Западной Европы, начиная с XVI века, и её последующее доминирование в мировой экономике вплоть до XX века. Отсутствие внятного ответа на этот вопрос косвенно подтверждает новую хронологию Фоменко. Скрупулёзные исследования развития капиталистических отношений в средневековой Западной Европе школой Броделя показывают, насколько последовательно и необратимо шёл этот процесс, способствуя росту эффективности экономики. Если бы этот процесс действительно начался в Древнем Риме, то промышленная революция произошла бы на полторы тысячи лет раньше, и сегодня мы бы жили в совершенно другой технико-экономической среде. В античном Риме не могло быть таких предпосылок для становления частнособственнических отношений и гражданского общества, как рациональное мышление и номинативный языковой строй, а также развитая письменность и высокая грамотность населения. Нельзя недооценивать роль книгопечатания в формировании гражданского общества. Если бы в Древнем Риме были эти предпосылки, никакие варвары не могли бы его покорить. Но, как было показано выше, люди в то время ещё не отделяли себя от социума, ощущали себя частью общины, рода и племени, а также имели мифологическую картину мира, управляемого божественными силами. Из этого следует, что Римское право есть порождение скорее средневековой Священной Римской империи, чем Древнего Рима.

Судя по историческим свидетельствам, Священная Римская империя не отличалась ни святостью, ни превосходством в уровне и качестве жизни перед Московским царством вплоть до Великой смуты.

Сегодня мало кто знает, что Москва уже в начале XVII века была крупнейшим мегаполисом Европы, а возможно, и мира. В период Великой смуты за контроль над ней сражалось множество вооружённых отрядов со всех регионов Европы. Однако эти драматические события, ставшие прелюдией

к формированию национальных европейских государств, игнорируются традиционной историографией. Согласно ей, основные события происходили в Западной Европе, в которой после мрачного Средневековья по мановению волшебной палочки профессиональных историков вдруг появились искусство, наука, ремёсла и передовые технологии, а также все современные формы организации общества и институты регулирования воспроизводства экономики.

Действительно, уже с XIII века оформляется относительно самостоятельное развитие западноевропейских городов, которые на Балтийском побережье создают автономно функционирующий Ганзейский союз, а в Средиземноморье города-республики концентрируют финансовые, торговые и интеллектуальные ресурсы того времени. Разграбление Византийской империи крестоносцами многократно увеличивает эти ресурсы, на основе которых формируется банковский капитал. Начиная с эпохи Возрождения в XIV веке, западноевропейские города обретают лидерство в искусстве и науках того времени, задавая тон социальному прогрессу. С конца XV века начинается эпоха великих географических открытий, резко расширившая представления западных европейцев об окружающем мире и своём в ней центральном положении.

Однако происходивший в Европе социально-экономический прогресс не означал самостоятельного развития европейских государств. Их ещё не было, и свои вольности европейские города получали от императорской власти. При этом империя в то время имела весьма рыхлую и размытую систему государственных институтов, не оформленных, как сегодня, в строгих нормах конституционного права. В условиях объективно небольших возможностей центра обеспечивать централизованное руководство, неизбежна была концентрация властно-хозяйственных полномочий в руках наместников. При этом чем обширнее становилась империя, тем больше власти сосредотачивалось на местах.

В раннем Средневековье Западная Европа была периферией Византийской империи, в которой сакральная власть была передана папскому престолу в Риме. Последний, однако, не обладал военной властью, вследствие чего возникла причудливая феодальная форма политических отношений, постоянно разрывавшая привычную в империях иерархию управления. Формула “вассал моего вассала — не мой вассал” блокировала функционирование имперских институтов государственной власти, в разрывах которых появлялись возможности для формирования новых “структур повседневности”, подробно описанных Броделем в монументальном труде о развитии частнособственнических отношений²⁸. Они порождали капиталистические производственные отношения, функционировавшие в порах имперских институтов власти. Вертикаль последней размывалась перманентной коррупцией и внутренними противоречиями между её распавшимися звеньями, а также междоусобными склоками не имеющих чёткой субординации наместников.

При наличии единой вертикали императорской власти европейским городам едва ли удалось бы сформироваться в условиях традиционного общества. В то же время городская ремесленная среда стимулировала развитие языка, который обретает современный номинативный строй. Лосев пишет: “Ясно, что и этот период был возможен только благодаря номинативному строю языка и мышления, требовавшему всюду и везде установления закономерных связей, будь то в мифологии и религии или в позитивном знании, или в политике, или в общественном и культурном строительстве. Номинативный строй впервые в должной мере обеспечил для человеческого мышления искание и нахождение закономерных связей в безбрежных просторах действительности”²⁹.

Без перехода к номинативному языковому строю невозможно объяснить Реформацию, взбудоражившую традиционное европейское общество в XVI веке. Ведь для того, чтобы написать свои тезисы, Мартин Лютер должен был обладать логическим мышлением и собственным пониманием значений содержащихся в Библии положений. Это невозможно сделать, оставаясь в рамках эргативного языкового строя. Именно в этот период творил Скалигер, с именем которого связывают появление общепринятой в современной историографии хронологии. Её фабрикация с большим количеством подлогов и ложных интерпретаций исторических фактов стала возможной только с переходом к номинативному языковому строю. Как пишет Лосев, “его субъект, его предикат и его объект выше всяких частных и случайных свойств, выше действия и страдания. Это понимание субъекта как тождественного с самой собой впервые обеспечивает полную возможность улавливать его среди смутно

текучих вещей, определять его существенные признаки и противопоставлять их несущественным признакам и вообще чётко различать в вещах их сущности и их явление и открывать закономерные переходы между этими сущностями и этими явлениями. А вместе с принципом закономерности номинативной мышление впервые оказывается способным открывать и формулировать законы природы и общества, закономерности всей действительности”.

И, добавим, сочинять эти законы в своих интересах. Овладение номинативным языковым строем позволило его носителям приступить к манипулированию социальными институтами, которые в рамках эргативного языкового строя воспринимались как незыблемые установки высших сил. Носители номинативного языкового строя могли эмансипироваться от сложившихся традиций, этических норм, религиозных представлений, в том числе о божественном происхождении власти и её субъектов. Тем самым они получали сокрушительное психологическое оружие против тех, кто этих традиций и норм придерживался. Последние просто не могли себе представить, что кто-то думает иначе и может лгать и божиться одновременно. Поэтому правители традиционной имперской государственности оказались уязвимы перед коварством сил, заинтересованных в её разрушении.

Значение субъективного фактора в организации Великой смуты в Москве, бывшей в то время столицей самого могущественного в Европе имперского образования, общеизвестно. С тех пор обман и введение в заблуждение вождей, а также манипулирование сознанием масс становятся ключевыми орудиями западноевропейской политики. Её главной целью в то время было разрушение традиционных институтов имперской государственности. Преуспев в развале Священной Римской и Ордынской империй, западноевропейские политики занялись фабрикацией истории в целях манипулирования общественным сознанием. Как подвёл итог этой работы Джордж Оруэлл в 1949 году: “Кто управляет прошлым, тот управляет будущим: кто управляет настоящим, управляет прошлым”.

Конец эпохи традиционных институтов имперской государственности отмечен подписанием Вестфальского мира в 1648 году, по итогам которого религиозный фактор перестал играть существенную роль в европейской политике. Вестфальский мир знаменует также начало формирования европейских наций. Властвующая элита каждой из них претендовала на первенство, создавая свой язык и свою историческую мифологию, призванную убедить население в своём национальном превосходстве.

Сфабриковав историю в целях обоснования своего превосходства, европейские историки заложили мировоззренческие основы для возникновения расизма и нацизма, повлёкших истребление сотен миллионов людей и приведших человечество на грань самоуничтожения. С большим трудом человечество почти преодолело эти болезни XX века. Но для окончательной победы над ними нужна объективная историография, позволяющая извлекать уроки из совершённых человечеством ошибок и удерживать достижения.

3.2. Восстановление логики российской истории

Российская Федерация является правопреемницей СССР и Российской империи в юридическом и историческом смысле. Этого, однако, недостаточно для формирования созидательного исторического самосознания народа России. Оно остаётся расколотым, что не может не влиять негативным образом на российское общество, в котором никак не угаснут угли гражданской войны. Провозглашённое Конституцией отсутствие государственной идеологии не позволяет дать нравственную оценку деятельности органов государственной власти, которые уже много лет проводят социально-экономическую политику, несовместимую с традиционными для российского социума ценностями правды и справедливости. Граждане России живут в разных мировоззренческих галактиках, разбегающихся друг от друга, что не может не размывать социально-психологический фундамент российской государственности.

Для наведения мостов между социальными группами с разным мировоззрением необходимо общее представление о российской истории. Оно не может держаться на мифах и фальсификациях, даже если они окроплены кровью поверивших в них людей. В рамках настоящей работы невозможно дать даже самое общее представление о достоверности общепринятой трактовки

российской истории. Мы ограничимся только той её частью, к которой приложили руку западные историографы и их российские ученики.

Начнём с **норманнской теории** происхождения древнерусской государственности. Согласно Википедии: “Впервые тезис о происхождении варягов из Швеции выдвинул король Юхан III в дипломатической переписке с Иваном Грозным (но сам Грозный категорически это отрицал, настаивая на происхождении Рюриковичей из потомков императора Августа из германской нации, к которой относились тогда не только немцы, но и балтийские славяне, половцы, венгры и т. д.). Развить мысль о скандинавском происхождении варягов попытался в 1615 году шведский дипломат Пётр Петрей де Ерлезунда в своей книге “Regin Muschowitici Sciographia”. Его почин поддержал в 1671 году королевский историограф Юхан Видекинд в “Thet svenska i Ryssland tijo åhrs krigs historie”. По мнению В. Меркулова, большое влияние на последующих норманистов оказала “История шведского государства” Олафа Далина. Широкую известность в России норманнская теория получила в 1-й половине XVIII века благодаря деятельности немецких историков в Российской Академии наук Готлиба Зигфрида Байера (1694–1738), позднее – Герарда Фридриха Миллера, Штрубе-де-Пирмонта и Августа Людвига Шлецера.

Против норманнской теории, усмотрев в ней тезис об отсталости славян и их неготовности к образованию государства, активно выступил М. В. Ломоносов, предложив иную, не скандинавскую идентификацию варягов, отчасти совпавшую с неизвестными ему взглядами Ивана Грозного”.

Как констатируют Носовский и Фоменко³⁰, “М. В. Ломоносов, кроме трудов по физике и химии, написал также “Древнюю Российскую Историю от начала Российского народа... до 1054 г.”³¹; производя славян от Мосха, внука Ноя, и исследуя произведения античных авторов, он доказывает участие славян в “древней” Римской истории. Князь М. М. Щербатов в “Истории Российской с древнейших времён”³², также основываясь на произведениях античных авторов, весьма подробно пишет о войнах скифов-славян-сарматов с “античной” Римской империей... Оказывается, кроме общеизвестных трудов по истории Руси, с которыми знакомы практически все (это труды Карамзина, Ключевского, Соловьёва, Платонова и пр.), есть ряд фундаментальных исследований по русской истории, которые сегодня практически забыты. Кроме уже упомянутых книг М. В. Ломоносова и М. М. Щербатова, к этим исследованиям относятся труды А. Д. Черткова³³, Ф. Воланского³⁴, П. Й. Шафарика³⁵, А. С. Хомякова³⁶ и др.”.

Выше уже говорилось, с какой целью в общественное сознание был внедрён миф о норманском происхождении российской государственности. Внимательное прочтение Русского летописца и Лицевого свода, предшествовавших появлению Повести временных лет, позволяет говорить о фальсификации известного тезиса Повести временных лет о призвании варягов как носителей порядка для создания русской государственности³⁷.

Свидетельства очевидцев об образе жизни и уровне культуры населявших Русскую равнину людей свидетельствуют об их существенном превосходстве над викингами, которые отличались разве что свирепым нравом и первобытной дикостью. В Википедии констатируется, что “викинги – раннесредневековые скандинавские мореходы в VIII–XI вв., совершавшие морские походы от Винланда до Биармии и Северной Африки. В основной массе это были племена в стадии разложения родоплеменного строя, жившие на территории современных Швеции, Дании и Норвегии, которых толкало за пределы родных стран перенаселение и голод. Письменная культура народов Скандинавии сформировалась только после прихода христианства, то есть уже на закате эпохи викингов, поэтому большая часть истории викингов не имеет письменных источников. Некоторое представление о жизни викингов дают скандинавские саги, однако подойти к этому источнику следует с осторожностью, ввиду, зачастую, позднейшего времени их составления и записи.

Как правило, в скандинавских хрониках термин “викинг” в его сегодняшнем понимании не использовался и характеризовал скорее социальное явление, когда безземельные бонды (свободные люди, не принадлежавшие к знати) были вынуждены искать лучшей доли за пределами родины”.

Отметим, что в глазах самих скандинавов слово “викинг” также имело отрицательный оттенок. В исландских сагах XIII века викингами называли людей, занятых грабежом и пиратством, необузданных и кровожадных. Комментарии,

как говорится, излишни. Выражаясь современным языком, шайки, состоящие из диких племён, не знавших письменности и не оставивших после себя ничего, зафиксированного историей, объявляются основателями русской государственности, имевшей свою письменность, городское хозяйство, ремесла и организованное войско. Хроника их походов в другой части Европы сводится к набегам и грабёжам европейских городов. Единственной страной, которой приписывают, кроме Руси, норманнское происхождение государственности, является Исландия. Но можно ли сравнить этот пустынный край с Русью, которую сами норманны того времени называли “Гардарикой” – страной городов, отличавшейся от остальной Европы более высоким уровнем организации хозяйства поселений? Обратимся снова к Википедии. “Гардарика – с XII века норманнское название Руси, известное в Северной Европе в Средние века, в том числе, в скандинавских сагах. Термин можно перевести как “страна городов”. Варяги называли “Гардарикой” сначала северные земли, как цепь крепостей вдоль реки Волхов, начиная с Любши и Старой Ладоги, города, расположенные на Верхней Волге и другие земли. В скандинавских сагах Великий Новгород рассматривается в качестве столицы “Гардарики”. Со временем именем “Гардарики” варяги стали называть всю Русь”.

Утверждать, что на порядок более высокая по уровню развития, ведущая оседлый образ жизни в укрепленных поселениях цивилизация могла обратиться к агрессивным и диким племенам с просьбой взять на себя управление, могли только сознательные фальсификаторы истории. Не говоря уже о беспрецедентности добровольного подчинения более развитого социума менее развитому на основе самокритичного абстрактного суждения о собственной несостоятельности.

По-видимому, норманны того времени говорили на примитивном языке инкорпорированного строя. В это время русский язык уже имел номинативный строй. Это означает, что разрыв между уровнем развития мышления норманнов и русских составлял две исторических эпохи длиной в тысячу лет. Норманнская “теория” столь же достоверна, как предположение о том, что современные скандинавы могут обратиться к эскимосам с просьбой взять на себя бремя власти в Норвегии и Швеции на том основании, что порядка в этих государствах не хватает.

Можно ли в здравом уме представить себе, например, ситуацию, при которой Московская городская дума решит призвать на управление городом представителей одного из диких племён с языком инкорпорированного строя? Да и само заключение подобных международных договоров в то время не представляется возможным в принципе. Тем более с викингами, которые, не обладая письменностью, не могли бы даже прочитать гипотетический договор об их призвании на Русь.

Очевидно, что норманнская “теория” происхождения российской государственности является идеологическим мифом, внедрённым в историческую науку привезёнными в Петербург немецкими фальсификаторами истории с целью формирования комплекса национальной неполноценности в российском общественном сознании³⁸. Известно, что эти приезжие историки не знали даже русского языка и произвольно обращались с приносимыми им летописями и артефактами, многие из которых, не вписываясь в “норманнскую теорию”, уничтожались. М. В. Ломоносов выступал против этой фальсификации, прямо обвиняя немецких коллег в русофобском подходе к интерпретации российской истории.

Обратимся к следующему историческому мифу, призванному внедрить в российское общественное сознание комплекс неполноценности, – о **татаро-монгольском иге**. В этой мифологии много несуразностей, начиная с самого сочетания слов в этом наименовании обширной исторической эпохи с 1243 до 1480 года. Во-первых, непонятно, почему татарам приписывается участие в монгольском владычестве, тогда как, согласно официальной версии, татарское племя было монголами уничтожено. Во-вторых, сама возможность захвата дикими монгольскими племенами обширной территории Евразии с укрепленными городами, включая физические возможности тогдашней конницы дойти от монгольских степей до Руси, у специалистов по военному искусству вызывает недоумение. В-третьих, слово “иго” по-китайски означает “одно/единое государство”.

Любопытна и история о появлении понятия “татаро-монгольское иго”. Вот что говорит об этом Википедия. “Термин “иго”, означающий власть Золотой Орды над Русью, в русских летописях не встречается. Он появился на стыке XV–XVI века в польской исторической литературе. Первыми его употребили хронист Ян Длугош (“iugum barbarum”, “iugum servitutis”) в 1479 году и профессор Краковского университета Матвей Меховский в 1517. . . Форму “монголо-татарское иго” употребил первым в 1817 году Христиан Крузе, книга которого “Атлас и таблицы для обозрения истории всех европейских земель и государств от первого их народонаселения до наших времён” в середине XIX века была переведена на русский и издана в Петербурге”.

Не правда ли, очень похоже на происхождение норманнской “теории”? Снова иностранные профессиональные историки навешивают ярлыки на целые эпохи, росчерком пера лишая Россию государственности на несколько столетий и записывая многомиллионное население Руси в рабство к диким монгольским завоевателям. “Сама историография Золотой Орды, – писали в 1937 году Б. Греков и А. Якубовский³⁹, – которая ещё не составлена, была бы полезной темой, – настолько поучительны неудачи, связанные с её изучением. . . Никто из них (русских ориенталистов) не писал труда по истории Золотой орды в целом. До сих пор нет такого труда ни в плане научно-исследовательском, ни в научно-популярном”⁴⁰. Известный исследователь монголов В. В. Григорьев, живший в XIX веке, писал: “История Золото-Ордынского Ханства есть одна из наиболее обеднённых временем и обстоятельствами: мало того, что они истребили важнейшие письменные памятники. . . они стерли с лица земли и большую часть следов существования Ханства. Его некогда цветущие и многолюдные города лежат в развалинах. . . а о столице Орды, о знаменитом Сарая, мы не знаем даже наверное, к каким бы развалинам могли бы приурочить его громкое имя. . .”

. . . Далее В. В. Григорьев продолжает: “Самых положительных указаний на эпоху основания Сарая надлежало бы, казалось, ожидать от наших летописей. . . Но летописи наши в настоящем случае зло обманывают ожидания: говоря о хождении князей в Орду, или ко Двору, они не определяют, где находилась Орда. . . выражаются в таких случаях просто: “пойде в Орду”, “прииде из Орды”, не обозначая, где именно находилась Орда”.

И ещё: “Столицей Орды считается город Каракорум. Напомним, что Каракорум считается столицей Чингисхана. При этом, – что хорошо известно, – в тех местах, где археологи до сих пор упорно ищут Каракорум, остатков крупного средневекового города почему-то нет. . .”

Предположить, руководствуясь здравым смыслом, что в малонаселённых монгольских степях могло сформироваться войско, способное завоевать на порядок превосходящие по уровню развития и численности населения государства с хорошо укреплёнными крепостями, а также преодолеть тысячи километров малопроездимой территории, может только сказочник. Это предположение также противоречит как здравому смыслу, так и указанным выше закономерностям логики мировой истории.

Согласно мифологии татаро-монгольского ига, завоеватели уничтожили русские города вместе с населением, остатки которого в глухих лесах должны были сильно одичать и свыкнуться с униженным положением лишённого всяких прав полурабского положения. Выжившие после великого разорения русские князья назначались Великим Ханом для присмотра за местным населением, подобно полицаям на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками советской территории. Они бесконечно грызлись между собой, привлекая карателей из состава монгольских войск для расправы над конкурентами. Более позорную картину разложения русской государственности и падения нравов во властвующей верхушке трудно себе представить. Следует, по-видимому, согласиться с тем, что это не более, чем карикатура на российскую историю, нарисованная во вражеских целях в качестве оружия “мягкой силы”, поражающей общественное сознание.

Вызывает сомнение и чудесное возрождение российской государственности из полной деградации благодаря кропотливому собиранию земель вокруг Москвы. Официальная историография объясняет его коварством и бесчеловечной жестокостью московских князей, которые уничтожали конкурентов при помощи монгольских карателей. Действительно, откуда могло взяться столько мощи у неожиданно возникшего из лесов хутора на окраине Владимиро-Суздальского княжества?

Никак западные историографы и их отечественные последователи не могут даже в мыслях представить, что русское государство способно само организовать оборону и проводить самостоятельную политику. За них эту работу выполняют то дикие викинги, то такие же свирепые и отсталые монголы. Диву даёшься, откуда вообще взялась Российская империя с её сокрушительной мощью и культурным превосходством над весьма умными, по выражению Смердякова из «Братьев Карамазовых» Достоевского, европейскими нациями⁴¹?

Впрочем, и на этот вопрос у западных историков и их отечественных подпевал есть ответ: великое преобразование «лапотной» Руси Петром Первым, который силой навязал туземной элите европейские порядки. Прежде чем перейти к этой эпохе, обратимся к следующему по исторической хронологии ключевому событию российской истории – **Куликовской битве**, которую можно считать единственным собственно русским достижением того времени, если судить по традиционной историографии. На ней победу одержал сплав Русского духа в лице Сергия Радонежского и Русского воинства под предводительством Дмитрия Донского. С этого момента начинается освобождение русского народа от «татаро-монгольского ига», которое продлилось ещё сотню лет.

Однако факторы победы войска Дмитрия Донского над полчищами монголов остаются малопонятными. Известно отсутствие артефактов на «официальном» Куликовском поле. Нет никаких данных, свидетельствующих о преимуществах войска Дмитрия Донского над Мамаевским. Наоборот, по свидетельству исторических источников, профессиональное войско Мамаёва существенно превосходило рать Дмитрия Донского как по численности, так и по профессионализму, собранную наспех из разрозненных отрядов, не имевших общего командования. По всей логике воинского искусства москвичи должны были потерпеть поражение. Однако случилось Мамаёво побоище с истреблением почти всего его войска численностью более 100 тысяч человек. Как такое могло случиться в чистом поле в современной Тульской области, которое географически не могло вместить более десятка тысяч воинов с обеих сторон?

Куда более достоверным выглядит гипотеза Т. Фоменко, согласно которой это сражение произошло в Москве⁴². В доказательство приводятся многочисленные аргументы, начиная от массовых захоронений воинов того времени и заканчивая логикой самого сражения. Ведь если предположить, что татаро-монгольское войско было более мощным по численности, вооружённости и опыту боевых действий, встречать его в чистом поле русским дружинам было равносильно самоубийству. В это время Москва была, выражаясь современными понятиями, укрепрайоном, в котором на «семи холмах» стояли крепости-монастыри, охраняемые монахами, по совместительству являвшимися воинами. И принимать войска Мамаёва, по всей логике воинского искусства, следовало именно в Москве, где вражеская конница теряла свои преимущества маневрирования в лесной и холмистой местности.

О роли московского монашества в Куликовской битве свидетельствует повествование о поединке инока Пересвета с Челубеем, с которого она началась. Похоронен Пересвет вместе с другим иноком-воином – Осляблей – в Москве в Старом Симонове, в чём может до сих пор убедиться каждый желающий. Следует также напомнить, что, согласно церковной историографии, Москва стала столичным городом в 1325 году, когда митрополит Всея Руси Пётр перенёс туда свою кафедру. В течение более полувека, предшествовавшего Куликовской битве, Москва строилась как духовно-оборонительный центр, созданный по замыслу митрополита Петра как сеть монастырей на холмах вокруг Кремля. Активное участие в этой работе принимал игумен земли русской Сергей Радонежский, который, как доказывает школа Фоменко, наряду со своими духовными подвигами, изобрёл порох, применение которого посредством снаряжённых камнями дубовых пушек стало решающим аргументом Мамаёва побоища.

В рамках настоящей статьи нет возможности обсуждения этой гипотезы, которая представляется вполне достоверной, в отличие от монгольского покорения Руси, а также Китая, якобы обладавшего уже за два столетия до монгольского вторжения порохом. Согласно официальной историографии, окончательное избавление Руси от татаро-монгольского ига произошло лишь столетие спустя после Куликовской битвы – в 1480 году в результате Стояния на Угре. А уже чуть более чем через столетие начинается Великая

смута, взорвавшая русскую государственность. Убедительных объяснений логики развития Московского царства в это столетие нет. Его руководители назывались монголами царями, что вызывает когнитивный диссонанс с классическим представлением об их вассальной зависимости от Великого хана.

Не вдаваясь далее в подробности причин более чем столетнего прозябания Руси после Куликовской битвы в зависимости монгольских правителей, перейдём к следующему переломному периоду в российской истории – к **Великой смуте**, – не имеющего в официальной историографии убедительной интерпретации. Согласно последней, Москва легко, практически без сопротивления, сдалась Лжедмитрию I. Затем, после восстановления легитимной царской власти и изнурительной борьбы царских войск с поляками, бояре вновь сдаются последним, провозглашая королевича Владислава русским царем. Лжедмитрий II на волне народного недовольства чуть ли не захватывает столицу, которая окончательно освобождается народным ополчением Минина и Пожарского. Последние, однако, не могут удержать власть, которая в результате интриг новоиспеченного патриарха Филарета переходит к его сыну Михаилу Романову.

На три столетия в России устанавливается правление династии Романовых, которая делает из неё величайшую европейскую империю. Перед тем как перейти к рассмотрению этой эпохи, заметим, что провал только вставшего на ноги Московского царства в хаос Великой смуты, хоть и имеет обширное фактографическое объяснение в формате сочетания вызвавших голод неблагоприятных климатических катаклизмов, а также боярских заговоров и предательств, связанных со снижением авторитета царской власти после пресечения династии Рюриковичей, логически не выглядит достаточно убедительным. Обращает на себя внимание очевидный факт доминирующего западного влияния в разорении русских земель в ходе всей Великой Смуты, включая польскую интервенцию, вовлечение в неё шведов и ливонцев, а также огромного числа бросившихся на разграбление Московского царства вооружённых банд из других регионов Европы.

Согласно общепринятой историографии, после успешного расширения своего царства за счёт сокрушения остатков распавшейся Ордынской государственности на Востоке и Юге, Иван Грозный увяз в изнурительных Ливонских войнах, политических репрессиях и карательных мерах против нелояльных групп во властвующей элите и сепаратистов внутри страны. До этого с XV и до первой четверти XVI веков на огромной территории так называемой Золотой Орды происходили масштабные междоусобные столкновения, повлёкшие за собой, в конечном итоге, её распад.

“Эстафету” распада Золотой Орды приняли европейцы: с 1517 по 1648 год происходит Реформация, сопровождавшаяся восстаниями против господства Римских пап и религиозными войнами по всей территории Европы, вследствие которых перестала существовать единая католическая Европа и Священная Римская империя, распавшаяся на самостоятельные протогосударственные образования. Как указывается в Википедии, “к концу XV века Империя находилась в глубоком кризисе, вызванном несоответствием её институтов требованиям времени, развалом военной и финансовой организации и фактическим освобождением региональных княжеств от власти императора. Вестфальский мир являлся результатом первого современного дипломатического конгресса (собрания). Он положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета”.

Таким образом, согласно официальной историографии, правление Ивана Грозного происходило в завершающий период развала Золотой Орды и в начальный период развала Священной Римской империи. При этом, если с наследством Золотой Орды Иван Грозный расправился относительно легко, удавоив территорию Московского царства, то на Западе ему так и не удалось преодолеть сопротивление объединившихся против него Польши и Литвы. Хотя Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское находилось в тесных сношениях с Московским царством, имело с ним общий язык и веру, объединилось оно с Польским королевством. Речь Посполитая не только стала камнем преткновения экспансии Московского царства на Запад, но и главной угрозой самому его существованию.

Вскоре после смерти Ивана Грозного польская корона организовала поход Лжедмитрия на Москву и фактически её захватила, приведя с собой

вооружённые банды со всей Европы. При этом сношения между московским боярством и польской шляхтой были весьма интенсивными, прямыми и доверительными, включавшими взаимное систематическое вмешательство во внутренние дела друг друга. В этом контексте избрание на царство Михаила Романова, который в период польской оккупации Москвы оставался в городе, а его отец Фёдор Никитич был приближен Лжедмитрием I и возведён в патриархи Лжедмитрием II, могло стать своеобразным компромиссом между руководителями освободившего Москву народного ополчения и перешедшим под власть польской короны московским боярством.

В этой мутной истории перманентных междоусобных войн, продолжавшихся на просторах Европы с середины XV (на Востоке) до середины XVII (на Западе) веков, есть много непонятого и нелогичного. Согласно официальной историографии, первая часть этой эпохи характеризовалась чудесным возвышением Московского царства, которое поглотило значительную часть распавшейся Золотой Орды. А вторая часть, наоборот, чудовищным разорением Московского царства, сначала Опричниной, а затем нашествием вооружённых банд из Польши и других европейских стран. С воцарением Михаила Романова Московское царство быстро возрождается, замирается с Польшей и Швецией и продолжает бурную экспансию на Восток, поглощая остатки Ордынской империи вплоть до Тихого океана. При этом в самой Москве образуется Немецкая слобода, ставшая чуть ли не наиболее многочисленным и процветающим районом города, в котором проживали выходцы из разных европейских государств.

В этой общепринятой историографии много необъяснимых чудес, начиная с неожиданного резкого возвышения Московского царства и заканчивая его столь же неожиданным разорением, а затем снова – быстрым превращением в самое большое в Евразии государство. Прежде чем дать объяснение этим чудесным перевоплощениям, попробуем разобраться с переменами, происходившими в то время в общественном сознании.

Пожалуй, наиболее важным событием того периода следует считать изобретение книгопечатания в середине XV века в Германии. В XVI веке оно распространилось по всей Европе. Реформация была невозможна без массового издания трудов её идеологов, начиная от знаменитых тезисов Мартина Лютера и заканчивая переводом Библии на национальные языки европейских народов с их комментариями и разоблачениями политики римских пап. В процессе перевода Библии на национальные языки европейских народов и её редактирования идеологи Реформации давали свои трактовки богословских догм. Катехизисы Мартина Лютера были широко доступны читающей публике и произвели глубокое впечатление на общественное сознание того времени.

Реформация основательно подорвала легитимность не только папы римского, но и всех носителей власти средневекового общества, доверие к которым было основано на идее божественного происхождения их права повелевать подданными. С пониманием смысла христианских заповедей, уравнивающих всех людей перед Богом и провозглашавших обязательные для всех нравственные ценности, в массовом сознании произошла десакрализация церковных и светских властей и получила распространение идея несправедливости социального устройства. Она овладела умами множества не только образованных, но и простых людей, толкнув их на восстания и религиозные войны. Центральная Европа на столетие погрузилась в хаос, из которого она вышла с новым социальным порядком и принципиально новой системой государственных институтов и производственных отношений. На осколках распавшейся Священной Римской империи возникли независимые государства с собственной системой самоуправления, не нуждавшейся в освящении папским престолом. В городах победившей Реформации началось бурное развитие капитализма и формирование гражданского общества с рационалистическим мировоззрением, отбросившим религиозные догмы и занявшимся преобразованием мира, исходя из собственных интересов, невзирая на вековые традиции.

Московское царство избежало религиозных войн, первосвященники не играли в нём ведущей роли и подвергались репрессиям со стороны царя в случаях несогласия с его политикой. Иван Грозный, не встречая сопротивления, руками временно назначенного преемника относительно легко провёл отчуждение значительной части церковных земель. Спокойное отношение

общественного сознания к религиозным вопросам можно объяснить как относительной удалённостью первосвященников, назначавшихся из Константинополя и не обладавших правом венчания на царство, от светской власти, так и слабым интересом образованной части общества к анализу Библии, переписывавшейся на малопонятном церковнославянском языке. Запоздывание с книгопечатанием оставляло общество без возможности широких дискуссий по мировоззренческим вопросам. Власть царя воспринималась обществом как сакральная, дарованная непосредственно Богом. Сомнения в этом возникли после смерти Ивана Грозного и его законных наследников и избрания на царство Бориса Годунова, кончина которого стала началом Великой смуты.

Официальная интерпретация исторических фактов не учитывает особенности мышления людей, которое существенно менялось с эволюцией языка. Выше уже говорилось о том, что только после появления номинативного строя, характерного для современных языков, мышление людей овладело логикой и рациональным самоощущением. До этого человек не мог ощущать себя самостоятельной личностью и вёл себя согласно сложившейся традиции как неотъемлемая частица своей семьи, социальной группы, религиозной общины, государственного образования. Смена социального положения человека могла произойти только по установленной традицией процедуре, нарушение которой было невозможно. Мировоззрение человека основывалось на вере, освящённой соответствующей религией и не допускавшей отхода от установленных канонов.

Восстания народа или заговоры элиты против власти и установленного порядка при таком типе мировоззрения были исключены. При этом оно не мешало междоусобным или международным войнам, в результате которых могла происходить смена правителей. Но она не вызывала протеста общества, поскольку новый правитель всегда происходил из царствующей семьи и, следовательно, имел сакральное право на занятие престола. Поэтому в среде царствующих особ мы видим, казалось бы, невозможные переплетения их происхождения из числа антагонистических, по мнению официальной истории, государственных образований. Широко известно, в частности, ордынское происхождение многих русских князей и даже царствующих особ, что не вписывается в официальную картину рабского положения русского народа в период «татаро-монгольского ига».

Рабское, в современном понимании, положение народных масс по всему миру также объясняется не их насильственным подчинением, а тем же традиционным мировоззрением, верой в неизменность установленного свыше порядка вещей. Насилие, конечно, имело место, но не во взаимоотношениях власти и народа, а между обладающими сакральными полномочиями членами царской семьи, многочисленные отпрыски которой управляли субгосударственными образованиями той эпохи. Поэтому столкновения между московскими и «татаро-монгольскими» войсками нельзя рассматривать как международные войны. Это скорее было выяснением отношений субординации в иерархии, управлявшей тогдашним мироустройством, скрытым в истории под названием Великая Тартария, покрывавшей, по свидетельству английского посла в России и картографа А. Дженкинсона, в 1562 году почти всю Азию и Восточную Европу⁴³. Пока она была централизована в теократическом государстве, междоусобные войны жёстко подавлялись царской властью. Когда же считающих себя легитимными царей возникало несколько, вооружённое выяснение отношений могло быть длительным и кровопролитным.

Священная Римская империя также была теократическим государством, в котором светская и духовная власть были слиты воедино, о чём свидетельствуют многочисленные карательные экспедиции как самих римских пап, так и поставленных ими на кормление епископов, которые нередко воевали друг с другом «до последнего холопа». Следует всерьёз отнестись к исторической реконструкции А. Фоменко, который доказывает сочлененность Московско-Ордынской и Римской государственности. Развал Римской империи под давлением Реформации дал мощный выброс в сторону Москвы в лице множества переселившихся под руку Ивана Грозного протестантов, ставших играть важную роль в Московском государстве. Освободившись от традиционных «предрассудков», включая веру в сакральность власти, они обрели мощное оружие — способность обманывать царя и его семью, изменять и совершать государственные перевороты, предавать ради денег, — которым искусно пользуются по настоящее время.

Традиционное религиозное сознание неспособно к коварству и обману. Их возможность возникает только с обретением личностью духовной свободы, которая позволяет ей нарушать как Божьи заповеди, так и установленный порядок. Именно это произошло в сознании образованных людей с Реформацией в Европе после того, как книги Мартина Лютера и его последователей вместе с Библией на понятном языке пошли в печать. Освободившись в собственном сознании от необходимости соблюдать установленные порядки, реформаторы подняли народ на борьбу с потерявшими легитимность привилегиями церковных и светских властей.

Если возвышение Московского царства на постордынском пространстве в результате войн с «татаро-монголами» по существу в Великой Тартарии мало что меняло, то религиозные войны в Европе привели населявшие её этнические группы к реальному освобождению от сакральной власти римского папы и образованию национальных государств с принципиально новым социальным устройством. Традиционная сакрализация власти религиозным мировоззрением сменилась на её установление на правовой основе, которая интерпретировалась рационально мыслящей местной элитой, озабоченной своим имущественным положением, как своего рода общественный договор.

Множество носителей этого мировоззрения ринулись на Восток, найдя для себя в Московском царстве приют и обширное поле деятельности. Они взорвали его изнутри, воспользовавшись делигитимизацией царской власти после пресечения династии Рюриковичей и смерти Б. Годунова. Исходя из меркантильных целей разграбления Московии, ставшей, по меньшей мере, после победы при Молодях центром всей Русско-Ордынской империи или Великой Тартарии, хлынувший в Москву из Европы вооружённый сброд привёл к власти вначале польского царевича, а потом, после освобождения Москвы народным ополчением, — Фёдора Романова. О сакральности власти последнего уже не было речи — его выдвижение стало результатом интриг и компромиссов, в которых главную роль сыграл его отец, провозглашённый в лагере Лжедмитрия II патриархом и имевший тесные связи с польскими оккупантами и европейскими авантюристами Филарет. Он и руководил фактически Московским царством, объединяя светскую и духовную власть вплоть до своей кончины в 1633 году.

В наследство от Филарета и своего предшественника второй царь **Романовской династии** — Алексей Михайлович — получил конкуренцию с патриархом за власть, а также огромную территорию от польско-шведской границы до Тихого океана с прочной системой централизованного управления. Хотя он получил прозвище «тишайший» и считался искренне верующим человеком, сакральность его власти была подорвана недавно произошедшей Смутой со сменой нескольких нелегитимных царей, церковным расколом и западными влиянием на умы образованной части общества. Десакрализация власти вылилась в народное восстание С. Разина. Его быстрое распространение в Поволжье и жестокость, с которой оно было подавлено, косвенно свидетельствует в пользу высказанной А. Фоменко гипотезы о наличии ордынского элемента в войсках повстанцев. Так или иначе, власть московского царя уже не казалась народу столь же священной и незыблемой, как раньше. Важнейшей опорой царской власти стала реформированная по европейским образцам армия, а также закрепощение народа посредством Соборного уложения 1649 года путём правового принуждения, а не традиционного порядка.

Царствование Алексея Михайловича закрепило формирование нового общественного порядка, сменившего традиционный, основанный на вере в незыблемость установившихся традиций. Но, в отличие от стран победившей Реформации, этот порядок хоть и строился на рациональной основе, но не имел в основе никакого общественного договора и основывался на авторитарном подчинении всего государственного устройства царской власти. Московское царство фактически унаследовало институты ордынской государственности, заместив их сакральную основу административно-правовым принуждением. По сути, Романовы повторили опыт формирования западноевропейских абсолютных монархий, установившихся на руинах Священной Римской империи. Эти новые властные отношения основывались на рациональном светском мировоззрении, в котором религиозные ценности всё более вытеснялись материальными интересами. Носителями этого мировоззрения были жители Немецкой слободы, из которых рекрутировались многие руководящие кадры на царскую службу.

В то время российское общество в основе своей оставалось традиционным, с религиозным мировоззрением. Народ и значительная часть правящей элиты, включая боярское сословие, сопротивлялись переменам. Новый общественный порядок проявлял свои преимущества больше во внешней экспансии Московского царства, чем в его внутреннем переустройстве. Оно переросло в крупнейшую в мире державу, унаследовавшую ордынские институты централизованной власти, осеменённые родившемся в Европейской Реформации рационалистическим мировоззрением.

Носители традиционного мировоззрения оттеснялись от власти, поскольку не могли противостоять коварству и интригам не обременённых соблюдением религиозных заповедей рационально мыслящих личностей. Последние легко находили общий язык друг с другом, охмуря царя лестью и имитацией преданности, а по сути — манипулируя им в своих интересах. Нарастающее противостояние воспринявшей дух Реформации новой и традиционно мыслящей старой властвующей элиты было разрешено Петровскими реформами.

Как известно, вернувшись из своего Великого посольства в Западную Европу, Пётр I привнёс с собой мировоззрение победившей там Реформации, которое вдохнул в институты ордынской государственности. Царская власть стала опираться исключительно на оформленное в правовых нормах административное принуждение, которому были подчинены и институты Церкви. Народ был окончательно отделён от власти и отлучён от личной правосубъектности посредством полного закрепощения и фактической передачи в личное рабство помещикам. При Петре I крепостная зависимость стала всеобщей: помещики были в крепостной зависимости от царской власти, а крестьяне — от помещиков.

Не вдаваясь в дискуссию относительно личности Петра I, принадлежность которой к романовскому роду может подтвердить только генетическая экспертиза, обратим внимание на логику его революционных преобразований. Начал он их с внешних атрибутов властвующей элиты, повелев вельможам срезать бороды и переодеться в европейские платья, а также ввёл принятый в Европе юлианский календарь вместо действовавшего русско-византийского. На государеву и воинскую службу он призвал множество иностранцев из Северо-Западной Европы, которые стали его надёжной опорой. Модернизировал русский язык, введя в него 4,5 тысячи новых слов, заимствованных из европейских языков. Пригласил западноевропейских учёных в организованную им Академию наук, поручил им формирование российской системы образования. Попытался организовать образование детей властвующей элиты, многих отправил учиться в Европу. Огромными усилиями всей страны была построена новая столица — Санкт-Петербург, затмившая количеством дворцов и роскошью все столицы мира.

По сути, реформы Петра I свелись к абсолютизации власти царя и продолжили преобразования, начатые при его предшественниках из династии Романовых. Эта концентрация власти сопровождалась насаждением внешних атрибутов модернизированной европейской культуры и никак не учитывала произошедшей в странах победившей Реформации социальной революции. Пётр не пытался перенимать ни институты местного самоуправления европейских городов, ни парламентскую форму представительной власти, ни гражданское общество. Наоборот, он сделал крепостничество фундаментом государственной власти и распространил крепостнические отношения личной зависимости на организацию горнорудной промышленности и военных заводов.

Таким образом, три первых царя из династии Романовых использовали институты ордынской государственности для усиления личной власти царя, заменив их традиционный сакральный смысл, легитимизировавший власть в общественном сознании, на административно-правовое принуждение, насаждавшееся жестоко и последовательно. Произошедшее закрепление народа в личную собственность помещиков сопровождалось подчинением Церкви царской бюрократии. Религиозное сознание перестало служить мировоззренческой основой властных отношений. Властвующая элита стала опираться на административно-правовые механизмы управления народом, а последний, по традиции, продолжал подчиняться, оставаясь в рамках религиозного мировоззрения.

Возникший таким образом раскол общества на руководящую личными интересами и рационально мыслящую властвующую элиту, с одной

стороны, и отчуждённый от каких-либо личных прав, продолжавший жить по традиции с религиозным мировоззрением народ закрепился не только во внешних атрибутах, но и в языке, и в мышлении, и в общественном сознании. Романовская династия со своими придворными ощущала себя частью европейской элиты, закрывшись от страны во вновь построенной по европейским образцам столицы. Использование ордынских институтов царской власти, не ограниченной ни догматами веры, ни местным самоуправлением, ни законодательным собранием, позволяло беспощадно эксплуатировать народ и страну, используя выжимаемые из неё доходы для личного обогащения и удовлетворения амбиций монаршей семьи, стремившейся быть первой в Европе и, как они думали, в мире.

Отказ властвующей элиты от традиционных ценностей и её отгораживание от народа посредством административно-правовых механизмов не могло не сопровождаться постепенной десакарализацией власти в общественном сознании. Вначале она произошла в сознании властвующей элиты, следствием чего стала череда дворцовых переворотов с активным участием иностранных агентов. Постепенно она проникала и в толщу народных масс, смутно ощущавших несправедливость своего угнетённого положения. Через полтора столетия после воцарения Романовых страну потрясла крестьянская война под предводительством Е. Пугачёва, который объявил себя царем Петром III. Потребовались все военные силы империи, чтобы сокрушить народную войну, в которую оказались вовлечены около миллиона человек. Пугачёвскую армию поддержало практически всё Поволжье, Урал и Западная Сибирь, населённые недавно закрепощённым народом, в том числе особенно активно – башкирскими и татарскими крестьянами, калмыками, казахами, чувашами и другими коренными народами этого обширного региона.

Лёгкость, с которой казаки Пугачёва подняли огромные народные массы на войну за освобождение от крепостного гнёта и восстановление прежних вольностей, говорит о том, что в 1773 году ещё были живы воспоминания о доромановской эпохе, а также представления о её социально-политической структуре. Возможно, это было последнее соприкосновение скрытой в общественном сознании и явно представленной в казначеем самоуправлении ордынской государственности, которое было жесточайшим образом подавлено царской армией и бюрократией. Любопытно, что многие губернаторы и военачальники, против которых бились восставшие, были немцами, не пользовавшимися народной любовью. Однако какого-либо иностранного влияния проводившееся по указу Екатерины II следствие так и не выявило.

Таким образом, династия Романовых, выросшая из коллаборационизма с европейскими захватчиками Москвы в Смутное время, не только последовательно насаждала западноевропейские порядки, но и физически подчинила огромную страну европейским интересам, превратив её население в бесправных рабов. Подражая всем европейским атрибутам власти, императорский дом и властвующая элита не торопились, однако, привносить в Россию европейские институты гражданского общества и ценности Просвещения, предпочитая опираться на архаичные ордынские механизмы абсолютной власти.

Следует добавить, что династия Романовых лишь в нашей историографии называется таким образом. Начиная с Петра III, по генеалогическим правилам, императорский род (династия) именовалась Гольштейн-Готторп-Романовской. Последней, русской по генетическому происхождению, царствующей особой была Елизавета, что, однако, никак не сказывалось на легитимности Романовской династии во всё ещё православном общественном сознании. Но сама династия и властвующая элита ощущали себя европейцами, плохо понимая и опасаясь своих подданных. Говорили, по образному выражению Грибоедова, на “смешенье языков французского с нижегородским”, предпочитали больше времени проводить на европейских курортах, чем дома, с пренебрежением относились к полностью зависимым от них крепостным, а также вышедшим из народа купцам и разночинцам.

Романовым потребовалось почти двести лет, чтобы полностью подчинить своей монаршей воле огромную страну. Дважды с перерывом в столетие её сотрясали народные восстания казаков, которые боролись за свои старые права и вольности ордынской эпохи. Последним потрясением стало нашествие Наполеона, после разгрома которого Романовы стали самой могущественной царствующей семьёй в Европе. Парадоксальным образом Наполеон

помог российскому императору упрочить свою власть в Евразии. А российский император благополучно передал плоды победы Великобритании, которая руками русской армии уничтожила своего главного конкурента в Европе. Александру оставили иллюзию устройства монарших семей европейских династий в освобождённой от Наполеона Европе, которая дорого обходилась российской казне, не принося очевидных преимуществ.

Не вдаваясь в конспирологические версии манипулирования Александром I англичанами, отметим некоторые факты, проясняющие логику втягивания объединённой Наполеоном Европы в войну с Россией. Начнём с того, что Наполеон долго и безуспешно пытался породниться с Александром I, сватаясь к его сёстрам. Когда ему это не удалось, его планы не шли дальше принуждения России к союзу ради сокрушения Англии. Наоборот, поведение российского императора, провоцировавшего Наполеона на конфликт, было выгодно только Англии. Вторжение Наполеона сопровождалось предложением заключения мира, которое Александром было проигнорировано. Наполеон, вместо нападения на Петербург, который был куда ближе, ринулся на Москву, рассчитывая на то, что её захват даст ему политические преимущества. И, наконец, самая главная нелепость этой войны – сдача Москвы без боя и её полное сожжение.

Москва и окрестности, где на всех холмах стояли обнесённые каменными стенами монастыри, была мощнейшим укрепрайоном, в котором народное ополчение могло серьёзно укрепить армию, сделав город неприступной крепостью. Вспомним, что совершенно не укреплённый и противостоящий куда более сильной армии Гитлера Сталинград стал для неё камнем преткновения. Не говоря уже о битве под Москвой в конце 1941 года. Если армия Кутузова фактически была равна армии Наполеона, то советская армия под Москвой существенно уступала немецко-фашистским захватчикам как в живой силе, так и в вооружении, а также была рассечена и истекала кровью в устроенных врагом “котлах”.

Рассуждение о том, что Кутузов сдал Москву, чтобы сохранить армию, не выдерживает критики. Во-первых, русская армия в хорошо укреплённом городе, поддерживаемая населением, обеспеченная арсеналом и продовольствием, была в куда лучшем положении, чем стоявшие в чистом поле в окружении враждебного населения французы. Во-вторых, сражение под Бородино не выявило победителя и, с учётом примерного равенства сил, могло быть продолжено до победного конца. В-третьих, с учётом того, насколько тяжело французы преодолевали наспех построенные на Бородинском поле редуты, для захвата хорошо укреплённого города у них просто не хватило бы сил. Многие близлежащие к Москве монастыри и города так и не были ими захвачены. Наконец, находясь в центре густонаселённой области, Москва имела хорошие тылы и коммуникации со страной, что делало её осаду полуразложившейся армией Наполеона в осеннее-зимний период практически безнадёжной.

Очевидно, что сдача и сожжение Москвы были политическим решением Александра I, а не стратегической операцией Кутузова. Последний не мог не дать Бородинского сражения под угрозой бунта в русской армии, отступавшей почти без боев через всю европейскую часть страны. Но оно носило тактический характер и не было судьбоносной битвой за Москву, подобной жертвенному подвигу советского народа в 1941 году. Судя по многим признакам этой странной войны, древнюю столицу приговорили к уничтожению не на совещании в Филях, а ещё до вторжения Наполеона в Россию. И, конечно же, не генерал от инфантерии, а сам император принимал это решение.

Романовым, которые к тому времени уже практически не имели русских корней, Москва казалась чуждым и опасным городом. Они её плохо контролировали. Множество документов, хранившихся в частных архивах старых боярских семей, свидетельствовали об исторических фактах, которые не вписывались в официальную историографию, включая норманнскую теорию и миф о татаро-монгольском иге. Они также могли поставить под сомнение легитимность Романовской династии. Сохранялось множество памятников архитектуры и артефактов, по которым можно было реконструировать события доромановского периода. Москва была живым символом былого ордынского величия, резко отличаясь от Петербурга своим восточным стилем. Со времён стрелецкого восстания она пугала Романовых и их европейских придворных своим загадочным русским духом, который мог бросить им вызов.

Факт сожжения практически всех известных архивов, содержащих, в том числе, оригиналы самых древних русских летописей, не может не вызвать удивления. В том числе погибли архивы, хранившиеся и свезённые в здание Московского университета, где за двухметровыми каменными стенами они были надёжно укрыты от любых пожаров. Кроме сознательных поджогов, которые, по-видимому, и стали причиной их уничтожения. При эвакуации из Москвы имущества об архивах никто не позаботился, хотя, с учётом всего характера кампании, угроза захвата Москвы заранее рассматривалась. Даже с учётом быстроты отвода войск, было время для эвакуации хотя бы самых ценных экземпляров.

Заметим, что у Наполеона не было намерения сжигать Москву. Гибель основного хранилища документов, свидетельствующих о доромановской истории, стала главным историографическим результатом нашествия Наполеона. Москва была самым крупным городом, духовным и политическим центром Ордынского периода отечественной государственности. Её сожжение стало не только символическим завершением этого периода, но и фактическим уничтожением исторической памяти о нём. После этого Российская империя окончательно приобрела европейские черты, доромановская история была очернена мифами о татаро-монгольском иге и призвании варягов, на фоне которых деяния Петра и его потомков приобрели цивилизаторский характер.

Другим, неожиданным для Запада следствием уничтожения исторической памяти о Русь-Ордынской государственности стало формирование русского народа. Подобно другим европейским этническим группам, получившим государственность после освобождения от контроля Папства и установления Вестфальского мира, в русском народе вследствие секуляризации всей системы социально-государственного устройства Петром I и ликвидации крепостничества Александром II, стало пробуждаться национальное самосознание. До этого народ себя ощущал просто православным миром и не имел понятия о национальностях. Даже Пугачёв объявил себя Петром III, не стесняясь его немецкого происхождения. Об этом тогда не думали, поскольку власть царя воспринимали как данную Богом. И даже Наполеона население сначала встречало достаточно мирно с тайными ожиданиями избавления от крепостничества. Народная война с ним затем объединила население, впервые почувствовавшее себя единой нацией, хоть и разделённой жёсткими сословными перегородками.

Сами Романовы после победы над Наполеоном и вхождения в Париж почувствовали себя хозяевами Европы, которой Александр I, по образному выражению современника, управлял из своей кареты. Перемещаясь из одной европейской столицы в другую, он увлечённо занимался реставрацией европейских монархий, взяв на себя функции папы римского в Священной Римской империи. Свою европейскую Империю Александр назвал Священным союзом, объединив европейских монархов на почве борьбы с революционными движениями. В самой России Романовы продолжили политику укрепления своей власти с опорой на армию, дворянское сословие и крепостное право. По сути, они восстановили институты ордынской государственности, распространив свою империю на всю территорию Северной Евразии от Атлантики до Тихого океана. Однако она просуществовала недолго.

Через десятилетие после подписания Священного союза прозападные революционеры ответили империи восстанием декабристов в её столице. Как известно, оно было заранее подготовлено сетью управлявшихся из Лондона и Парижа масонских лож и приурочено к весьма неожиданной реставрации европейской монархии Александра I. Сформировавшиеся в Западной Европе институты национальных государств с представительной властью и судебной системой отторгли попытки реставрации ордынских институтов, которые воспринимались общественным сознанием как реакционные и нелегитимные. Александр I был не в силах преодолеть сопротивление Вестфальской системы, и созданный им Священный союз развалился вскоре после его смерти. А ещё через четверть века вчерашние союзники ответили на консервативную политику Российской империи Крымской войной, после поражения в которой следующий Александр начал переход к гражданскому обществу.

После отмены крепостного права в России началось быстрое формирование рынка труда и капиталистических производственных отношений. Россия втянулась в характерные для них закономерности смены технологических и мирохозяйственных укладов, которые существенно отличаются от многовеко-

вой инерционности воспроизводства традиционного общества с институтами ордынской государственности. Перед тем как перейти к их характеристике, сделаем некоторые выводы.

1. Следует отвергнуть созданные немецкими и польскими историками мифы о призвании варягов управлять Русью и её порабощении татаро-монгольским игом. Эти не подкреплённые явными доказательствами гипотезы не соответствуют множеству фактов и логике исторического процесса. Они созданы с целью внушения комплекса государственной неполноценности и вековой отсталости русскому народу с претензией на его руководство со стороны прогрессивной западноевропейской цивилизации.

2. Исходя из исторической преемственности процесса становления человеческой цивилизации в Евразии, можно предположить, что Ордынская государственность сформировалась как преемник Византийской империи (выросшей, в свою очередь, из древнеимперской государственности в Месопотамии и Египте) с соответствующими институтами и механизмами её воспроизводства. Предстоит выяснить роль Китая в становлении Ордынской империи, многие военачальники и чиновники в которой были этническими китайцами и проводниками китайских представлений о госуправлении. Можно предположить, что Русско-Ордынская империя, интегрировав в себе Византийскую и Китайскую цивилизационные основы, сформировала доминировавшую в тогдешнем мире Евразийскую цивилизацию.

Гипотеза Фоменко о существовании Великой империи, охватывавшей почти всю Евразию с ядром в европейской части России, представляется вполне логичной. Её становление происходило под влиянием прогресса в мышлении властвующей элиты в результате развития языков и письменности. Переход от египетского царства к Византийской империи сопровождался скачком от иероглифического письма к буквенному и древнегреческому языку эргодичного строя. Переход к Русь-Ордынской и Священноримской империям сопровождался скачком к языкам номинативного строя, одним из первых среди них мог оказаться русский.

3. Разрушение империи начинается с Реформации в Европе, вызванной прогрессом в мышлении и общественном сознании в связи с открытием книгопечатания и массовым изданием Евангелий на национальных европейских языках номинативного строя. Осознание личностью своих прав и свобод приводит к десаκραлизации власти римского папы и делегитимизации власти поставленных им епископов и монархов. Это влечёт за собой подрыв традиционных институтов сакральной государственности и формирование гражданской системы социально-экономических отношений, основанной на сознательном нормотворчестве. Формируется римское право, легитимизирующее доминирование частнособственнических отношений в общественно-государственном устройстве и создающее вместе с Реформацией предпосылки для развития капитализма за счёт технического прогресса и просвещения.

4. Рационализация мышления в Западной Европе индуцирует процессы разрушения традиционных институтов ордынской государственности. Произшедшая под европейским влиянием Великая смута привела к установлению власти европейских царствующих особ над русской частью Ордынской империи, которая постепенно распространилась на всю северную и центральную Евразию. Насаждение европейских порядков на большей части Ордынской империи происходило посредством подчинения её институтов обслуживанию интересов европейской властвующей элиты. Борьба за насаждение европейских порядков продолжалась вплоть до уничтожения Москвы в результате вторжения европейских войск под предводительством Наполеона. Сожжение Москвы сопровождалось уничтожением всех архивов и библиотек, хранивших письменные памятники доромановской России и свидетельствовавших об ордынской государственности. Ликвидация исторической памяти позволила мифологизировать российскую и мировую историю в нужном для властвующей западноевропейской элиты ключе.

5. Благодаря победе русских войск над объединившим почти все европейские армии Наполеоном, институты ордынской империи реставрируются во всей Европе и простираются от Атлантики до Тихого океана, а власть сосредотачивается в руках Александра I. Последний использует её в интересах европейских монархических семей, не обращая внимания на интересы народа России, который остаётся в крепостной кабале.

Примечательно, что, в отличие от европейских захватчиков, которые неизменно вели себя в Москве как мародеры и разрушители и во время Великой Смуты, и в период Наполеоновского нашествия, российские войска в Европе вели себя корректно и уважительно по отношению к местному населению. Командантом Парижа, графом Воронцовым, были оплачены даже счета в трактирах, которые остались после ухода российских военных. В этом проявилась имперская традиция ответственности за всех её подданных и обустройство всей её территории, особенно окраин.

Священный союз ненадолго пережил его создателя. Сразу же после смерти Александра I созданная западными агентами сеть масонских лож организовала восстание декабристов, которое могло кончиться очередной Смутой. После его подавления вззошедший на престол Николай I не претендовал на продолжение роли всеевропейского императора и законсервировал действовавшие в России институты власти и организации общества. Тем временем быстро растущее на основе бурного развития промышленности могущество Великобритании вскоре привело к изменению баланса сил и поражению России в Крымской войне.

За период от Наполеоновских войн до Крымской войны Великобритания стала глобальным лидером, а сформировавшиеся в ней институты воспроизводства капитала, организации торговли и хозяйственного управления стали имитироваться в других европейских странах. Крымская война завершила этот период, унизив Российскую империю с роли победителя Наполеона до роли одного из больших европейских государств. После Крымской войны у Британской империи не осталось конкурентов в Европе, а конкурентов в Азии (Индию и Китай) она превратила фактически в свои колонии.

Чтобы не повторить судьбу Ордынской империи, развалившейся вследствие отсталости, Александр II вынужден был пойти на демонтаж крепостного права, открыв дорогу формированию капиталистических отношений и втягиванию России в общеевропейский процесс накопления капитала. Спустя пару десятилетий она вырывается в лидеры по темпам развития экономики, притягивая капиталы и технологии из европейских стран и втягиваясь в вековые циклы накопления капитала, сформировавшиеся до этого в Западной Европе и определявшие к тому времени ритм глобального экономического развития и геополитических процессов.

Российская империя была для Европы донором, экспортируя не только сырьё, но и капитал. А во времена краха имперской государственности, как это было в периоды захвата Византии крестоносцами, Великой смуты, Октябрьской революции и развала СССР, столица империи подвергалась тотальному разграблению с вывозом накопленных за столетия богатств в Европу, которые немало способствовали становлению европейских банкирских домов. Властвующая элита европейских государств строила свои колониальные империи на противоположных началах их разграбления, закабаления и жестокой эксплуатации местного населения, включая прямое насилие, использование наркотиков, торговлю людьми. Логика основанного на вере в Бога традиционного общества сменилась логикой личного обогащения и накопления капитала, которая характеризуется в следующей главе.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эрбины – вышедшие с алтайских гор одновременно с ариями племена, которые, согласно данным ДНК-генеалогии Клёсова, мигрировали через Кавказ, Ближний Восток и Северную Африку в Западную Европу, где, уничтожив туземное мужское население, осели, образовав этническую основу формирования современных западноевропейских народов.

² Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо. – М.: Экономическая газета, 2011.

³ Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Вилисов М. В., Нетёсова М. С., Пономарёва Е. Г., Сазонова Е. С., Спиридонова В. И. Нравственное государство. От теории к проекту. / Под общ. редакцией Сулакшина С. С. М.: Наука и политика, 2015, 424 с.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010.

- ⁵ Под этим термином в данном контексте понимается типичная для большинства современных учебников по экономике система утверждений, основывающихся на интерпретациях рыночного равновесия.
- ⁶ Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
- ⁷ Управление развитием экономики / Курс лекций под ред. С. Ю. Глазьева. – М.: Из-во Московского университета, 2019.
- ⁸ Нельсон Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.
- ⁹ Грублер А. Инновации и экономический рост. М.: Наука, 2002; Nakicenovic N. Technological Substitution and Long Waves in the USA: The Long Wave Debate. Berlin, 1987. P. 81; Grubler A. The Rise and Fall of Infrastructures // American Economic Review, 1959. No. 49.
- ¹⁰ Маевский В., Малков С. Перспективы макроэкономической теории воспроизводства // Вопросы экономики, 2014. № 4.
- ¹¹ Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС. 2003.
- ¹² I. Scaliger. Opus novum de emendation temporum. – Lutetae. 1583; Thesaurum temporum. 1606.
- ¹³ D. Petavius. Opus de doctrina temporum divisum in partes duas, etc. – Lutetiae Parisierum, 1627.
- ¹⁴ Г. Носовский, А. Фоменко. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. – М.: Изд-во “Факториал”, 1999. 752 с.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ А. Фоменко. Глобальная хронология. Исследование по истории древнего мира и средних веков. Математические методы анализа источников. – М.: изд-во механико-математического факультета МГУ, 1993.
- ¹⁸ Г. Носовский, А. Фоменко. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. – М.: Изд-во “Факториал”, 1999. 752 с.
- ¹⁹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, Главная редакция социально-экономической литературы, 1974.
- ²⁰ Лосев А. Ф. Знак, символ и миф. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1982.
- ²¹ Глазьев С. Ю. Размышления о происхождении человечества на Горном Алтае. – Экономические стратегии. 2017. № 6. С. 118–125.
- ²² Клёсов А. А. Ваша ДНК-генеалогия. М.: Концептуал, 2016.
- ²³ А. Ф. Лосев. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. Изд. МГУ, 1982. С. 280–407.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
- ²⁶ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, Главная редакция социально-экономической литературы, 1974.
- ²⁷ А. Фоменко. Глобальная хронология. Исследование по истории древнего мира и средних веков. Математические методы анализа источников. – М.: Изд-во механико-математического факультета МГУ, 1993.
- ²⁸ Fernand Braudel. Les structures du quotidien (т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное). – М.: Прогресс. – Т. 1, 1986. 624 с.
- ²⁹ Лосев А. Ф. Знак, символ и миф. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1982.
- ³⁰ Г. Носовский, А. Фоменко. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. – М.: Изд-во “Факториал”, 1999. 752 с.
- ³¹ М. В. Ломоносов. Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года (Оригинал: Древняя российская история отъ начала российскаго народа до кончины Великаго

- Князя Ярослава Первого или до 1054 года). — СПб: Изд-во Императорской Академии Наук. — 1766. — 126 с.
- ³² Щербатов М. М. История российская с древнейших времён (в 7 томах). — СПб: Императорская Академия Наук, 1770. — 398 с.
- ³³ А. Д. Чертков. О Белобережье и семи островах, на которых, по словам Димешки, жили руссы-разбойники. 1845.
- ³⁴ Фаддей (Тадеуш) Воланский. Письма о славянских древностях // Собрание первое. 1846. Собрание второе. 1847.
- ³⁵ Pavel Jozef Šafárik. Geschichte Der Slawischen Sprache Und Literatur: Nach Allen Mundarten. — Mit Kön. Ung. Universitäts-Schriften, 1826. — 544 с.
- ³⁶ Полное собрание сочинений А. С. Хомякова (Изд. 3-е, дополненное). — М.: Университетская типография. 1900.
- ³⁷ Русский летописец [1649 г.]; Лицевой летописный свод (Лицевой летописный свод Ивана Грозного, Царь-книга) — летописный свод событий мировой и особенно русской истории, создан, вероятно, в 1568–1576 годах специально для царской библиотеки в единственном экземпляре. Слово “лицевой” в названии Свода означает иллюстрированный, с изображением “в лицах”. Состоит из 10 томов, содержащих около 10 тысяч листов тряпичной бумаги, украшенных более чем 16 тысячами миниатюр. Охватывает период “от сотворения мира” до 1567 года.
- ³⁸ Ярко этот сюжет описан в замечательной киноленте М. Прошкина “Михайло Ломоносов”, 1986.
- ³⁹ Б. Греков, А. Якубовский. Золотая Орда и её падение. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
- ⁴⁰ Г. Носовский, А. Фоменко. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. — М.: Изд-во “Факториал”, 1999. 752 с.
- ⁴¹ В диалоге с Марьей Кондратьевной Смердяков сказал буквально следующее: “... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки”.
- ⁴² Г. Носовский, А. Фоменко. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. — М.: Изд-во “Факториал”, 1999. 752 с.
- ⁴³ Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношения России с Англией. 1553–1593. — СПб: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. 563 с.